

ставляло 13 400 стадиев, т.е. около 2100 километров; почти тот же результат получил в своих вычислениях Гиппарх — 13 000 стадиев. Расстояние с востока на запад, по Эратосфену, составляло от Канопа (или от устья Нила) до Столпов Геракла 21 500 стадиев, что равно примерно 3400 километров. Таким образом, площадь трапеции, в виде которой представляли форму Ливии, равнялась 3400 помноженные на 2100 кв. км⁹⁰.

Современные локализации страны корицы древних помещают её примерно на уровне 10 градуса северной широты, что на современных картах попадает на территорию Сомали. Город Канопа расположен на 32 градусе северной широты, т.е. удалён от страны корицы на расстояние 2222 км, что поразительно близко соответствует данным Эратосфена и подтверждает точность и информированность античных географов в целом.

Рассмотренные сюжеты позволяют сделать вывод о том, что знания античного мира об африканском континенте в целом были достаточно обширны, а в некоторых случаях и точны. Однако южные области Африки, собственно античная Эфиопия, были из-за труднодоступности известны мало и фрагментарно, хотя в течение времени постоянно расширялось знакомство с восточным и западным побережьями, а также отдельными внутренними районами континента. Этому, в частности, способствовал постоянный интерес к изучению проблемы истоков Нила, для чего совершались многочисленные экспедиции в разные регионы Африки. Знакомство с населением внутренних районов Африки (вплоть до римского времени) происходило или на территории Египта и средиземноморских стран Ливии, или через посредников (чаще всего гарамантов или египтян) косвенным путём. Прямые контакты со странами Эфиопии относятся лишь к рубежу I тыс. н.э., периоду расцвета Римской империи.

3. РЕАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ: ИЗВЛЕЧЕНИЯ И СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ОСНОВНЫХ СВЕДЕНИЙ О ПРИРОДЕ, ОБЩЕСТВЕ И КУЛЬТУРЕ АНТИЧНОЙ ЭФИОПИИ

Рассмотрение всей совокупности сведений древнегреческих письменных источников позволяет не только увидеть, каков был уровень знакомства античного мира с Африкой южнее Сахары, но и получить пусть эскизное (хотя в зависимости от полноты информации иногда даже располагающее некоторыми яркими и достоверными деталями) изображение древнего периода истории огромной и малоизвестной негрской Африки. Учитывая бесписьменный характер древних африканских цивилизаций, все данные античных источников, даже опосредованные и смутные, являются уникальным материалом, с помощью которого удаётся с известной достоверностью

заполнить многочисленные лакуны в истории культур одной из значительнейших частей Старого Света.

Эфиопия античных источников была знаменитым (как уже отмечалось) царством в крайней южной части ойкумены, населённым эфиопами-макробиями — долгоживущими эфиопами (Herod. III, 24–25). Эфиопы и их страна были известны грекам издавна — известия об их царстве уходят в мифологическое прошлое: гомеровский Мемнон царил в Эфиопии во времена Приама.

Если первое впечатление о степени знакомства и представлениях греков об эфиопах и Эфиопии оставляет впечатление поверхностного и обобщённо-неотчётливого (эфиопы — просто все негроидные люди на юге Ливии, Эфиопия — огромная и неразличимая страна на краю земли), то более тщательное изучение всех имеющихся свидетельств показывает, что этот вывод поспешен и только отчасти справедлив. В массе имеющихся материалов по этой части обитаемого мира обнаруживаются свидетельства того, что античный мир был знаком с множеством этносов, его населявших, объединяемых лишь общими антропологическими (расовыми) признаками (прежде всего тёмным цветом кожи), но различающимися и особенностями жизненного уклада, и уровнем развития общества и общественных институтов: одни обладали царём (царство эфиопов), другие описывались как вовсе не имевшие политической организации (как ихтиофаги у Агатархида Книдского (V, 21 = PG CIV, 41–42), которые «вовсе не знали политики»). То есть греки представляли с большей или меньшей отчётливостью всё многообразие этнического состава не только раньше и лучше знакомой им северной части континента («Белой» Африки), но знали кое-что и относительно полиэтничности эфиопской (негрской) части Африки. Это обстоятельство даёт некоторые возможности для реконструкции общих контуров этнической карты древней Африки с учётом имеющихся сведений об античных эфиопах.

Разумеется, задача эта весьма непросто выполнима и (как и вообще, историческое изучение африканских народов) выдвигает множество проблем.

На первый план, естественно, выходит проблема идентификации античных африканских этнонимов, которая сразу обнаруживает множество вопросов, часто не поддающихся удовлетворительному разрешению. Это связано, с одной стороны, и с особенностями античного этнографического материала, и с характером источников (неполнота сведений, особенности античной методологии в изучении варварских народов, использование не местных, а преимущественно придуманных самими греками этнонимов), и, с другой стороны, со спецификой африканских этноисторических и этнокультурных процессов.

Основной особенностью этнической истории африканского континента с древнейших времён вплоть до нового времени, чрезвычайно затрудня-

ющей её изучение, можно считать необычайную мобильность отдельных этнических единиц (вызванную объективными природными условиями, спецификой хозяйственной деятельности, особенностями исторического развития в отдельных регионах и т.п.), следствием которой являлась постоянная рекомпозиция этнической карты. (Это, правда, по мнению всех специалистов, не привело к утрате непрерывности в этнической истории африканских автохтонов, но, понятно, оставляет очень мало шансов на восстановление всех её этапов.)

Ярко выраженную непрерывность в этнической и социальной истории демонстрируют только Аксум и Адулис, конечно, с учётом сильного воздействия со стороны народов Аравийского полуострова и глубинных областей Африки. (Хотя участие в процессах исторического, этнического и культурного развития отдельного народа соседей — ближних и дальних — явление вполне закономерное и повсеместно присутствующее; и все африканские народы с их самобытными культурами развивались не в изоляции, а в постоянных контактах с другими культурами.)

Для большей части африканских автохтонов решающим фактором, который определил особенности их экономических, социальных, политических и культурных реалий, была их принадлежность к номадическому или полуномадическому хозяйственно-культурному типу.

Отмеченная подвижность этнических единиц, зафиксированная на протяжении многовековой истории Африки и так затрудняющая точную идентификацию известных этнонимов, прямо и косвенно отражена в данных письменных античных источников. Очень часто один и тот же этноним фигурирует в разных местах континента, и дать определённый ответ на вопрос, обозначает ли он один народ, или разные, но названные одним именем, бывает подчас невозможно. Практика же греков называть автохтонные народы данными ими самими именами греческого происхождения (часто обобщающего характера, по роду деятельности или той или иной этнографической примете), сама сложность этноистории и этногенеза африканского автохтонного населения, а также недостаточность сведений исторического и этнографического характера не дают, в большинстве случаев, возможности произвести ретроспективную реконструкцию и идентификацию, что, впрочем, и не всегда имеет принципиальное значение в пределах обсуждаемой проблемы.

Для характеристики объёма знакомства античного мира с этническим составом Африки в целом, и глубинными районами, заселёнными преимущественно негроидными автохтонами — эфиопами, показательное соотношение известных по античным письменным источникам этнонимов: при общем количестве известных этнических наименований, около четырёхсот, на долю внутренней Ливии, субъегипетской и внутренней Эфиопии приходится примерно четверть (см. Комментированный указатель этнических назва-

ний). Следует отметить, что даже подсчёт количества известных этнонимов затруднён, поскольку, например, за этнонимом «ихтиофаги» скрывается не один, а несколько этносов, объединяемых только по признаку общности основного вида занятий и главного продукта питания — «рыбоеды», питающиеся продуктом своей деятельности; называются они в разных местах, и выделить их просто невозможно. Аналогичным образом обстоит дело с троглодитами, под обобщающим именем которых имеются в виду многие, а не один этнос, или креофаги — «мясоеды», галактофаги — «молокоеды» и т.п. В греческих этнонимах часто отражались чисто классификаторские цели, основанные на их наблюдениях и обобщениях относительно образа жизни, занятий, пищи, особенностей обычаев, верований, вооружения и др. Например, этнографический метод Агатархида Книдского основывался почти целиком на алиментарном принципе, когда основные виды питания определяли его этнографическую классификацию.

Античные авторы (Геродот, Страбон, Диодор и другие), говоря об эфиопах в целом, прекрасно различали среди них крупные этнические объединения, имевшие уже в их время хорошо развитые общественные институты и культуру, и зависимые от них мелкие эфиопские этносы и племена.

Эфиопы Гомера также представляют собой по крайней мере две крупные группы народов, «поселённых двояко», на востоке и западе континента по краю земли (*Odys.* I, 22–26), а кроме того, он упоминает их на севере Ливии, рядом с эрембами и сидоньянами (*Odys.* IV, 84–89). Понятно, что речь здесь идёт не об одном народе, а о группе народов, которая репрезентирует целую часть земли, а именно: внутренние части Африки, населённые негрской расой людей.

О множестве народов, населяющих Африку, греки знали с древнейших времён, вначале грубо классифицируя их на белых (ливийцев) и чёрных (эфиопов), затем, по мере узнавания, всё более дифференцируя, узнают множество конкретных больших и малых этносов. Начиная свой знаменитый ливийский логос, являющийся частью четвёртой книги «Истории» и имеющий решающее значение для истории Африки не только V в. до н.э., Геродот пишет, что «в Ливии много различных народов» (VI, 167). В ливийском логосе фактически даётся резюме всех данных по этническому составу Африки, имевшихся в распоряжении греков в его время (IV, 167–196): их число пока состоит из всего двадцати шести этнонимов, за которыми на деле скрывается гораздо больше реальных народов. Начиная своё перечисление от Дельты в западном направлении, Геродот вначале называет четырнадцать групп этносов северной Ливии, затем — десять этносов внутренней Ливии (страны, где обитают дикие животные), а затем, южнее «песчаной полосы», во внутренней части материка — Эфиопии, эфиопов, под именем которых он понимает все негроидные народы в целом, разделяя их на две группы — эфиопов-макробиев и троглодитов (кстати, здесь

уместно заметить, что термин «макробии» послегомеровская античность, располагавшая уже не только сведениями мифологического характера, могла интерпретировать исходя из созвучия слов βίος — жизнь и βίος — лук как «владеющие большими луками»⁹¹, хотя второе слово было менее употребительно).

Итак, перечень кочевников-скотоводов приморской Внешней Ливии Геродот начинает от Дельты в западном направлении, называя адирмахидов, гилигамов, авсхисов, эвгесперидов, бакалов, насамонов (которых называет многочисленным народом, практикующим полигамию — IV, 172), псиллов (соседи насамонов, которые все погибли, засыпанные песками пустыни, а на их земли пришли насамоны — IV, 173), гамфазантов (народ к югу от насамонов, «избегающий общения», не имеющий оружия, почти дикий; по той причине, что ещё во времена античности в этом месте у Геродота была допущена ошибка и написано «гараманты», Помпоний Мела (I, 47) и Плиний (V, 45) оспаривали Геродота, справедливо указывая на его же характеристику гарамантов (IV, 183) как народа знаменитого, организованного и воинственного), маков (через земли которых протекала река Кинип, высохшее русло которой существует поныне, а исток находится в Уаддане), гинданов, лотофагов (питающихся только плодами лотоса (т.е. финиковой пальмы), из которых делают и вино), махлиев (в районе реки Тритон и озера Тритонида — вероятно, совр. Шотт-Джерид; ориентир на побережье — залив Габес), авсеев.

После приморских кочевников Геродот переходит к общей характеристике Центральной Ливии — песчаной полосы с оазисами, занимающей место между Внешней и Внутренней Ливией — области, богатой дикими зверями (суданская зона) (IV, 181), и перечисляет народы, живущие на песчаной полосе (также с востока на запад), в районе, который он считает Центральной Ливией. Здесь в десяти днях пути от Фив Египетских находятся аммонии, в десяти днях от них к западу — авгилы, далее — многочисленный и могущественный народ гарамантов (в десяти днях пути от оазиса Авгилы и в тридцати днях пути от страны лотофагов, т.е. с севера от Хуна до Куфры на востоке, до отрогов Тибести и Эннеди на юге (возможно, на юге их территории доходили до озера Чад) и пустыни Мурзук на западе), затем следуют эфиопы-троглодиты («пещерные эфиопы», на которых охотятся гараманты, бегающие быстрее всех людей, язык которых напоминает писк летучих мышей), атаранты (в десяти днях пути от гарамантов; страну их выжигает губительное солнце, а сами они не имеют личных имён), атланты, живущие уже у подножия гор Атласа.

Народы далее Атласа Геродоту не известны, но он знает, что песчаная полоса тянется до Геракловых Столпов и далее, а в десяти днях пути от атлантов живут люди на соляных копиях, которые строят дома из соляных блоков (это сообщение подтверждается поздними этнографическими ис-

следования в этих районах, а кроме того известно, что добыча соли, издревле бывшей важнейшим товаром в транссахарской торговле, действительно производилась примерно в этих районах). К югу от песчаной полосы, населённой кочевниками, Геродот помещал пустыню без воды, зверей и растительности.

Кроме того, Геродот говорит о максиях — оседлых земледельцах, оседах авсеев (IV, 191), занеках / завеках, женщины которых водят боевые колесницы, гидзантах — пчеловодах, использующих в пищу чёрных обезьян, и некоем безымянном народе «по ту сторону Геракловых Столпов», с которым карфагеняне вели «немую» торговлю. Завершая перечисление народов Ливии, Геродот даёт их общую классификацию по четырём группам: ливийцы на севере, эфиопы на юге представляют автохтонное население; финикийцы и греки на средиземноморском побережье — иностранцы на территории Африки.

Таким образом, Геродот утверждал, что внутренние и южные части Ливии были заняты автохтонами-эфиопами, а в качестве важной промежуточной группы между ливо-берберскими автохтонами средиземноморского побережья и эфиопской внутренней Ливией он называет гарамантов и амониюв. В целом же, как и у Гомера, страна эфиопов у Геродота находится на юге, на краю обитаемой земли, на берегу Океана. Сами же эфиопы у Геродота составляют три группы: эфиопы, обитающие во внутренней Ливии, западнее Египта; эфиопы-троглодиты, соседи гарамантов, и азиатские эфиопы (Herod. II, 94; VII, 70). Эфиопов, обитающих по ту сторону Египта, Геродот упоминает один раз — IV, 197.

Геродотово утверждение о том, что эфиопы являются автохтонами Ливии и самыми древними людьми на земле, повторялось и позднейшими авторами (ср. Diodor. Biblioth. Hist. III, 2).

Наиболее важная и значительная группа среди эфиопов, пограничных с египтянами, — эфиопы-макробии — долгоживущие эфиопы, самые высокие и красивые из всех людей (Herod. III, 20–25; III, 97; 114). Этим этнонимом обозначались все этнические группы негроидной расы, заселявшие области южнее Египта (в характеристике физического облика доминирует представление об их абсолютной черноте и курчавоволосости — VII, 69–70).

Эфиопов-троглодитов Геродот помещает дальше к западу, не доходя до гарамантов, подчёркивая в их обобщённом описании быстроту их в беге и использование в пищу рептилий (ящериц и змей — IV, 183).

Троглодиты в более поздних описаниях образуют чрезвычайно большую и важную группу эфиопов. Место их обитания отодвигается дальше, вплоть до крайнего юга. Страбон упоминает их среди жителей побережья Мегабары вместе с блеммиями и нубадами (Strabo VII, 786), по-видимому, идентифицируя троглодитов с этими двумя этносами. Диодор объединяет их с номадами (Diodor. III, 32), помещая их области внутри жаркой

Эфиопии (Diodor. III, 14; 34) и как бы относя к другому региону Эфиопии (Diodor. III, 38). Агатархид так же помещает троглодитов на крайнем юге Африки (Agatharch. V, 30 — PG CIV, 51–52).

Таким образом, эфиопы у Геродота обозначают всё негроидное население Африки, которое образует две основные группы: часть эфиопов, жившая в верховьях Нила, обладала развитой культурой; эфиопы-троглодиты, обитавшие в пустынях и жившие в пещерах, имели более примитивный образ жизни. Судя по контексту и уровню представлений об Африке в V в. до н.э., говоря о безымянных народах по ту сторону Столпов Геракла, Геродот также причислял их к эфиопам (о западных эфиопах греческая историческая традиция знала издавна) (Herod. IV, 185; 196).

Точное определение границ между названными Геродотом ливийцами и другими этническими группами очень затруднительно; из его текста понятно лишь, что эфиопы жили не только в Эфиопии, но и в Ливии, а все ливийцы и эфиопы — автохтоны (IV, 197). Они оказали сильное влияние на греческую культуру: в частности, от ливийцев, у которых зародились религиозные церемонии, греки заимствовали культ ливийской «Афины»; эгида Афины — ливийского происхождения, как и ритуальные вопли женщин в церемонии; умению ездить на квадригах греки также научились от ливийцев (Herod. IV, 189). Не сомневался в автохтонности эфиопов и Диодор, рассказывавший об их верованиях (Diodor. III, 2).

В V книге своего труда «Об Эритрейском море» Агатархид, описывая Эфиопию, называет восемнадцать этнонимов, относящихся к эфиопам (PG CIV, 10–75), начиная от Египта — в юго-восточном направлении.

Первыми Агатархид называет две группы эфиопов, не уточняя их характеристик: первая из них заселяла область южнее границы Египта, вторая — прибрежную полосу вдоль Красного моря (V, 7; 10 — PG CIV, 19; 30). Затем названы четыре группы эфиопов, охарактеризованные по основным занятиям: эфиопы, питающиеся сезамом и ячменем (т.е. земледельцы), эфиопы-номады, эфиопы, обитающие в болотах и эфиопы-рыболовы (V, 12 — PG CIV, 33).

Далее перечисляются ихтиофаги, питающиеся рыбой (V, 14–15); апатики — ни на что не реагирующие, бесчувственные люди (V, 16); эфиопы-островитяне, населяющие острова у восточного берега Африки, питающиеся черепаками и называемые Диодором (III, 21) и Страбоном (XVI, 773) хелонофагами; эфиопы, питающиеся китами (V, 20) (известные и Диодору — III, 21); эфиопы-хилофаги, питающиеся молодыми листьями растений (V, 23) (это растение Агатархид называет *buniasis*, а Диодор (III, 24) — *bunia*; комментаторы считают его видом репы). Следующими названы эфиопы-охотники, добывающие пропитание во время постоянных передвижений (V, 24), относительно которых Диодор, также знающий о них (III, 25), говорит, что они охотились преимущественно у источников, к которым

животные приходят на водопой. Далее следуют эфиопы-элефантофаги, более всего предпочитающие питаться мясом слонов (V, 25) (Страбон (XVI, 772) и Диодор (III, 26) называют их *elephantomaques*); струтофаги — охотники на страусов (V, 26) (Strabo XVI, 772; Diodor. III, 28); эфиопы-симии (V, 26), известные Страбону как силлии (XVI, 772); акридофаги, питающиеся саранчой (как и некоторые из известных Геродоту обитателей пустыни, чей способ приготовления лепёшек из перемолотых сушёных акрид сохранился, по свидетельствам этнографов, и у современных жителей пустыни). Об этих эфиопах-акридофагах писали и Страбон (XVI, 772), и Диодор Сицилийский (III, 29), который описывает их ужасную и преждевременную смерть. Наконец, Агатархид упоминает ещё эфиопов-кинамолгов, доителей собак, о которых говорили и Страбон (XVII, 786), и Диодор (III, 31), называющий их кинаминами, или «дикими»; и очень многочисленных троглодитов (V, 30), населявших, по Страбону (XVI, 770), области выше Мероэ, а по Диодору (III, 32; 34; 38), представлявшие население отдельной области Эфиопии.

Полностью текст Агатархида не сохранился, а дошёл в виде резюме в «Библиотеке» Фотия. Однако Диодор отмечал, что Агатархид — один из важнейших источников. Его данными широко пользовались позднейшие авторы, о чём свидетельствуют многие параллельные места у Диодора и Страбона, имевших общим источником труд Агатархида.

Наибольшее количество сведений об Эфиопии и её народах собрал в своей «Географии» Страбон, называющий около тридцати этнонимов, практически все известные в его время.

От мыса Дир до границы Мероэ Страбон помещает ихтиофагов, составляющих большую группу эфиопов, занимающихся рыболовством (XVI, 769–770). Затем идут сембриты, выселившиеся во времена Псамметиха в царство Мероэ из Египта (XVI, 770); с ними соседствовали номады, северные соседи ихтиофагов, а далее жили ри(д)зофаги — корнееды и гелеи — жители болот (XVI, 771). С ризофагами соседствовали сперматофаги — поедатели семян, питавшиеся зёрнами злаков и орехами (XVII, 786); под тем же этнонимом названы и другие эфиопы, о которых сказано, что они ходят обнажёнными и вооружены луками и стрелами (XVI, 771; XVII, 786). Затем названы креофаги, поедатели мяса (характер пищи явно указывает на скотоводческие занятия этих эфиопов), практикующие обрезание у мужчин и эксцизию у женщин; кинамолги — доители собак (XVI, 771; XVII, 786); элефантофаги, имеющие второе название — акафарты — «грязные» (XVI, 771); струтофаги (XVI, 772); силы (= симы) (XVI, 772); акридофаги — чёрные, малорослые, живущие до сорока лет люди (XVI, 772); ихтиофаги и ихтиофаги-колобы («изувеченные»), питающиеся рыбой и строящие хижинны, вырытые в земле и покрытые костями рыб (китов) и ветками. За ними названы черепахоеды — хелонофаги (XVI, 773), какое-то безымянное пле-

мя у мыса Пифолая, не практикующее обрезание (XVI, 774); мегабары — южнее Мероэ (XVI, 776) (о них же есть и у Диодора (III, 33); блеммии — знаменитый народ в этом регионе Африки, упоминающийся ещё в надписи Силко в VI в. до н.э. (SIG n.5039); троглодиты (XVI, 775); нубы, которых многие авторы ассимилировали с нубадами (XVI, 770); население Фил, состоявшее из египтян и эфиопов (XVII, 818); эфиопы Напаты, столицы царства царицы Кандаки (XVII, 820); эфиопы Мероэ, у места слияния Астаборы, Астапода и Астасоба (XVII, 822).

После эфиопов Напаты Страбон говорит о жителях на берегах озера Псебо, состоящих из эфиопов и ливийцев (XVII, 822), а затем об эфиопах на севере материка: маврусиях, жителях Маврусии (совр. Мавритании) (XVII, 824–825), предлагая странную версию их индийского происхождения (XVII, 828), видимо, исходя из старой теории об азиатских эфиопах, хотя другие авторы его времени и более поздних времён не сомневались в их принадлежности к эфиопам Ливии. Гетулов он помещает на юге Римской Африки (XVII, 826; 829); западные эфиопы — чернокожие жители на западе континента, а между ними и маврусиями помещались фарусии (XVII, 829); их соседями были в этом регионе нигреты, использовавшие, как и фарусии, боевые колесницы и луки (XVII, 827–829). Нигреты были союзниками фарусиев в борьбе против жителей Тира и во время боевых действий разрушили до трёх сотен разных пунктов (XVII, 829).

Эти подробности относительно этнического состава эфиопской части Африки очень важны как резюме реальных знаний греков почти за тысячелетие, наглядно демонстрирующее и их глубину, и точность, и одновременно часто присущую им недостоверность или фантастичность. Многие свидетельства так и остались уникальными, другие были уточнены в римское время после 20-х годов I в. н.э., уже после смерти Страбона. «Эфиопские» данные Страбона имеют особую ценность и потому, что хорошо подтверждаются аналогичными материалами великолепного компендиума его современника Диодора Сицилийского, труд которого считается по праву одним из наиболее полных сочинений по внутренней и тропической Африке.

Диодор был точным и компетентным компилятором, умевшим создать связную картину, используя имевшийся массив многочисленных, но разрозненных свидетельств. Его сводка о негроидных автохтонах Африки наряду со страбоновой «Географией» является наиболее полной, отражающей состояние античного знания по этому сюжету к последней трети I в. до н.э.

Свои конкретные сведения он предваряет замечаниями общего характера, сообщая, что по происхождению эфиопы — самые древние люди на земле, что их культура дала начало цивилизации в долине Нила (в первую очередь, египетской). Научный метод Диодора основан на критике источников и их оценке с точки зрения соответствия сведениям, имевшимся в его

время относительно южных районов континента (Diodor. III, 11). Диодор избегает источников фантастического характера и старается использовать прямые свидетельства самих эфиопов или их ближайших соседей — египтян. Одновременно он высоко ценит геродотовскую традицию и ориентируется на его ранние свидетельства, а также учитывает исследования своего современника Страбона, взяв за основу своего обзора этнического состава Эфиопии тот же маршрут, по ходу которого давал своё перечисление эфиопских этносов Страбон. Обзор этносов внутренней Эфиопии Диодор начинает от побережья Красного моря, названного у него вслед за старой античной традицией Аравийским заливом.

На побережье Аравийского залива он называет две группы эфиопов, одна из них только упомянута, без подробностей, а другая названа «южными эфиопами», которые обитают в самых южных областях континента (III, 14). Кроме того, он выделяет большую группу эфиопов-ихтиофагов, которые представлены двумя частями: одну составляют ихтиофаги, никогда не употребляющие воды (III, 18), другую — ихтиофаги, живущие в горных долинах, где-то далеко на юге (III, 20).

Следующими названы хелонофаги (III, 21), «поедатели черепах» на восточном побережье Африки, соседи хелонофагов (*ibid.*); рыбаки, использующие для ловли рыбы ловушки или прорывающие мелкие каналы, куда загоняют рыбу (III, 22); ризофаги, поедатели корней (по-видимому, плоды маниоки), живущие на берегах реки Астаборы (III, 23); хилофаги, питающиеся листьями *bunia* (III, 24); эфиопы-охотники, выслеживающие дичь возле источников (III, 25); элфантамаки (элфантафаги) — охотники на слонов (III, 26); симы — эфиопы с приплюснутыми носами, живущие далеко к западу (III, 28); струтофаги, поедатели страусов, охотники, помещаемые далеко к югу (III, 28); акридофаги — поедатели саранчи и других насекомых (они рано умирали от того, что их поедали изнутри какие-то странные насекомые), населявшие пустынные районы Эфиопии (III, 29); какое-то эфиопское племя, не названное по имени, которое было истреблено пауками, скорпионами и львами (III, 30).

Ещё дальше к югу Диодор помещает кинаминов, или кинамолгов — доителей собак, которые так же названы «дикими» (III, 31); троглодитов, или номадов, живущих в пещерах и практикующих обрезание (III, 32); колобов, или мутилов — подразделение троглодитов, которые практиковали сразу после рождения ампутацию детородных органов (III, 32); мегабаров, тоже троглодитов по образу жизни, имевших обычай лишать себя жизни в случаях, когда более не могут приносить пользы (III, 33).

После этого перечня эфиопских этносов Диодор называет некоторые ливийские народы, по большей части ориентируясь на Геродота: ливийцев, живущих поблизости от Египта (III, 49); насамонов, маков, мармаридов (неизвестный Геродоту народ, впервые названный в перипле Скилакса —

GGM, p.82), макаев (народ, помещаемый Геродотом (IV, 42; 175) на западном побережье Большого Сирта); мифический народ воинственных амазонок (III, 51–55); наконец, на крайнем западе — полигамных атлантов (III, 57).

В классификации Диодора этносов Африки выявляются три большие подразделения: в одном из них оказываются большие этнические группы, во второе входят мелкие этносы или этнические подразделения, в третьем — мифические народы. В целом, используя данные Геродота, Страбона, Агатархида и других предшественников, Диодор учитывает максимальное количество сведений и полностью адекватно отражает имевшиеся в его время представления и конкретные знания о народах Чёрной Африки.

Тот факт, что древние греки, говоря об эфиопах, знали и осознавали, что это не один, неопределённо большой и нерасчленённый этнический массив, а целый конгломерат различных по величине и уровню развития народов, имеет чрезвычайно важное значение и для выяснения вопроса о реальной картине общественно-политического устройства стран Эфиопии (ибо и в восприятии страны под названием Эфиопия со временем произошли существенные уточнения: грекам стало понятно, что на деле она состоит как бы из многих Эфиопий, отличающихся по своему характеру и способам общественного устройства, — разноуровневых, — как сказали бы мы).

С этой точки зрения становится объяснимой та разногласица и противоречивость, на первый взгляд, парадоксальные, которую дают античные письменные свидетельства в описаниях политического устройства у эфиопских народов: тогда становится понятным, почему античные авторы то характеризуют общества эфиопов как вовсе не имеющие политического устройства, то говорят о могущественных царствах с наличием различных общественных институтов и социальной иерархии. Действительно, учитывая характер и особенности самих античных источников по Африке (их фрагментарность, особый подход к описаниям варварских народов и далёких стран, тенденцию к мифологизации Эфиопии и т.п.), а также объективно подтверждаемое всей совокупностью имеющихся источников различного рода сосуществование на африканском континенте издревле стадально разноуровневых обществ, можно объяснить эту бросающуюся в глаза противоречивость античных свидетельств.

Первая известная нам форма политической жизни отражает мифический тип политической организации, который ранее всего, разумеется, отражён у Гомера. Представления и сведения гомеровских поэм, ещё расплывчатые, тем не менее с полной определённой указывают на то, что эфиопы образовывали огромное царство где-то далеко на юге ойкумены. У них правил знаменитый среди всех народов легендарный царь Мемнон (Odys. I, 22–26; XI, 522). При его правлении царство процветало и подданные его были счастливы и пребывали в мире и достатке в своей богоизбранной стране,

где стада дают по три приплода в год, а тучные пашни доставляют полное изобилие (*Odys.* IV, 84–89). Правда, эта обобщённая, полностью мифологическая картина счастливого царства у Гомера не дополняется никакими другими подробностями.

Однако уже у Геродота Эфиопия известна гораздо полнее, и страны эфиопов выглядят значительно разнообразнее. Геродоту известно, что некоторые этносы, типа троглодитов, не имеют никакого политического устройства и ведут естественный образ жизни, но одновременно он знает и другие эфиопские этносы, у которых существуют могущественные царства. Прежде всего, это эфиопы-макробии (*Herod.* II, 29; 139; III, 20–25; 114), которые имеют столицу, войско, храмы «Зевса» и «Диониса», оракул; они мумифицируют покойников, расписывая мумии, приносят жертвы богам, имеют необычный жертвенник — «солнечный стол», с которого осуществляются общественные кормления народа; золота у них столько, что из него делают оковы, зато очень ценят медь. Живут они до ста двадцати лет, это самые красивые и высокие люди на земле; своего царя они избирают из числа самых красивых и высоких; вооружены они огромными луками, натянуть тетиву которых не в состоянии никто, кроме них самих; к тому же макробии — самые свободолюбивые люди, никому не позволяющие посягать на свою свободу.

Выше Египта Геродоту известно ещё одно царство эфиопов, которые были покорены персами и признавали власть Ксеркса (VII, 9). Но и они приносили дань персам не потому, что должны были это делать после их покорения Камбисом, а по своей воле, добровольно. Они занимали область Нисы, на границе с Египтом, жили в подземных домах и почитали своего Диониса. Подобно эфиопам-макробиям, они были землепашцами, и царство их было богатым: в числе даров этих эфиопов персидскому царю перечисляются слоновые бивни, эбеновое дерево, самородное золото, а также пять эфиопских мальчиков (*Herod.* III, 97).

Геродот называет ещё два могущественных эфиопских царства: Мероэ, которое считалось метрополией эфиопов (II, 29–30), и далеко на юге, в двух месяцах плавания от Элефантины, царство автомолов — перебежчиков-египтян, которые перешли под власть эфиопского царя при Псамметихе. До страны перебежчиков от Мероэ Геродот называет расстояние в пятьдесят дней пути (II, 30–31).

Общественное устройство внутри этих государств или их законоуложение Геродотом не описывается, и судить о нём можно только по косвенным признакам и случайным подробностям. Однако некоторые важные свидетельства позволяют яснее представить их военную организацию и отношения с внешним миром.

То, что эфиопы не были абсолютно изолированы от внешнего мира и принимали какое-то участие в мировых событиях, видно уже из гомеровской

традиции, из известного факта об участии царя эфиопов Мемнона в Троянской войне на стороне Приама, на помощь которому Мемнон привёл своих воинов. Геродот, рассказывая о неудачной экспедиции Камбиса против эфиопов, показывает не столько мощь их армии, сколько дипломатическую мудрость эфиопского царя (III, 17–25). Воинские качества эфиопских солдат высоко ценились за пределами Эфиопии: их знали в Египте, Азии, Греции; их охотно привлекали в регулярные армии могущественных древних держав. Геродот сообщает, что в армии сына Дария Арсамена были эфиопские войска. Здесь же очень точно описано вооружение эфиопов: длинные, в четыре локтя длиной, луки, короткие тростниковые стрелы с каменными наконечниками, копья с заострённым рогом на конце, дубинки, обитые железными остриями; тела свои они раскрашивали гипсом и суриком, плащами им служили шкуры барсов и львов (Herod, VII, 69).

Понятно, что в силу тесного соседства отношения эфиопов были наиболее интенсивны с Египетской державой. Тесные контакты эфиопов и египтян в военной, государственной, культурной, экономической и других сферах зафиксированы уже для II тыс. до н.э. Геродот знает о единственном египетском фараоне, Сесострисе (XVIII династия — XVI–XIV вв. до н.э.), царствовавшем над Эфиопией (II, 110). Но он также говорит о восемнадцати эфиопских фараонах в Египте («эфиопской» династии), что подтверждает факт длительного и прочного эфиопского присутствия в Египте.

Сообщаемые Геродотом сведения о политическом устройстве, существовавшем у некоторых крупных народов Эфиопии, конечно, неполны и отрывочны. Но и поздние авторы, добавляя некоторые подробности, не слишком расширяют наши знания по этому вопросу. И всё же общая картина существовавших в Чёрной Африке раннегосударственных и архаических, монархических по форме общественно-политических структур вырисовывается достаточно явственно.

Что касается общественных институтов, установлений и обычаев в африканских обществах менее высокого стадияльного уровня (в первую очередь в группе малых этносов, которые, по мнению античных авторов, не имели никакого политического устройства), то сведения об этом также достаточно редки и даны очень обобщённо. Это не удивительно, если помнить о нечастых прямых контактах греков с автохтонами Африки, достаточно ограниченном и выборочном интересе к особенностям социальной жизни негреческих народов (он касался преимущественно сфер экзотических и удивлявших греков своей непохожестью на их собственные представления и обычаи), наконец, о плохой сохранности источников, часть сведений из которых просто не дошла до нашего времени.

Всё это в полной мере определяло характер геродотовых этнографических описаний. Рассказывая о лучше и ранее всего знакомых ливийских народах севера континента, Геродот часто даёт различные подробности их

жизни и быта, особенно подчёркивая удивительные или странные на взгляд грека особенности.

Например, описывая обычаи адирмахидов (Herod. IV, 168), он сообщает, что «своих девушек они показывают царю перед их вступлением в брак; какая из них понравится царю, ту он и лишает невинности». О «гарамантах, избегающих общения» (гамфазантах других авторов), сказано, что они не имеют никакого оружия и не умеют отражать нападений врагов (IV, 174); о гинданах Геродот рассказывает, что женщина у них ценится тем больше, чем больше связей с мужчинами у неё было, о чём можно было узнать по числу кожаных колец, надеваемых на ногу как браслеты (IV, 176). В обычаях махлиев Геродота удивила практика устраивать бои на палках между девушками на праздниках, посвящённых ливийской «Афине», которая, по версии, излагаемой Геродотом, была дочерью Посейдона и местной богини Тритониды — нимфы одноимённых озера и реки; впоследствии она было удочерена Зевсом. Кроме того, сказано и о том, что махлии не знали браков и имели беспорядочные («смешанные») сношения с женщинами, что заставляло их определять отцовство по похожести подростка на какого-либо из взрослых мужчин племени (IV, 180). О народах, населявших глубинные области Африки, Геродот сообщает гораздо меньше, хотя некоторые подробности о религиозных представлениях, вооружении и способах ведения войны (например, об использовании эфиопами-троглодитами боевых колесниц) у него всё-таки имеются, хотя в целом нельзя не пожалеть об их фрагментарности.

У более поздних авторов известий об эфиопах и Эфиопии всё же несколько больше, чем их было в V в. до н.э., что явствует из сочинений Агатархида, Страбона и Диодора, аккумулировавших всё известное греческой научной традиции об Эфиопии. Причём описания в послегеродотовой этнографо-исторической литературе относятся к трём категориям африканских народов: мифическим народам, крупным народам и мелким этническим группировкам, разница между которыми хорошо осознавалась греками.

Нужно отметить, что мифическая линия в эфиопских студиях древних была очень сильна и не угасала на протяжении существования античности. Практически все авторы в той или иной степени ориентировались на гомеровскую традицию, особо выделявшую эфиопов. Это обуславливало и частые реминисценции из Гомера и киклических поэтов, и идеализирующие акценты в разработке эфиопской тематики. Но, естественно, мифологическая традиция со времён Гомера постоянно обогащалась на основе увеличения объёма конкретного знания страны и людей юга Африки.

Гомеровские безупречные эфиопы (Iliad. I, 423–425), живущие на самом краю ойкумены (Odys. I, 22–26), остаются таковыми (самыми высокими и красивейшими из людей — Herod. III, 23). Тот же взгляд сохраняет и

Агатархид, дополняя эту тему популярным у греков мотивом первородства и объявляя эфиопов автохтонами, первыми людьми на земле, от которых произошли все прочие люди (Agatharch. V, 16 = PG CIV, 39). Некоторые этносы эфиопов ведут практически жизнь блаженных в стране обетованной: они не ведают войны, не имеют законов, не знают торговли и политики, живут в согласии с природой, которая щедро даёт им всё необходимое (Agatharch. V, 21 / PG CIV, 42).

Диодор, как и Агатархид, говорит, что эфиопы являются автохтонами и старше всех из рода человеческого (Diodor. III, 1–2). Они первыми изобрели религию и культуру, а также все человеческие установления, которые восприняли у них египтяне: «Большинство обычаев, принятых у египтян, по происхождению эфиопские. Это и почитание царей как богов, и заботы о погребении умерших, и множество других обычаев, по сути своей и форме эфиопские» (Diodor. III, 3).

Продолжение гомеровского мотива о безупречности и богоизбранности эфиопов проявляется и в сюжетах, связывающих с Эфиопией разных богов греческого Олимпа: так, в Ливии происходят приключения Геркулеса (Геракла) и Вакха (Диониса), которые, объезжая обитаемую землю, «особо полюбили только эфиопов, обитавших выше границы Египта, которые никогда не воевали, настолько они были благочестивы» (Diodor. III, 3).

В мифологический контекст входят и некоторые свидетельства, относящиеся к описаниям мелких и малоизвестных эфиопских этносов, например, отмеченное у Агатархида племя людей, которые никогда не испытывают жажды, или ко всему бесчувственные апатики, тяготящиеся жизнью (Agatharch. V, 15–16 / PG CIV, 38; Diodor. III, 18). Такими же легендарными племенами являются кинамолги (кинамины), упоминаемые Агатархидом (V, 29), Страбоном (XVII, 786) и Диодором (III, 31). Признаки сказочного народа приобретают довольно реальные акридофаги (которых приходится отличать от других акридофагов, описания которых вполне реалистичны) благодаря фантастическому объяснению их преждевременной смерти от паразитов, пожирающих их изнутри (Strabo XVI, 772; Diodor. III, 31; Agatharch. V, 29).

Архаические черты в описаниях жизненного уклада и обычаев некоторых мелких эфиопских этносов часто являлись причиной для возникновения некоторых мифологических ассоциаций (о людях наивных, не испорченных культурой, — «детях природы»).

Известная склонность греков давать малоизвестным мелким этническим подразделениям названия по основному виду их пищи (что является важным признаком, косвенно говорящим о роде их основной деятельности и в какой-то мере даже об образе жизни) обусловила и достаточную краткость описаний этносов типа ихтиофагов, струтофагов, хелонофагов, креофагов, ситофагов и т.п., поскольку часто авторы считали достаточной ту информа-

цию, которая содержалась уже в самом «говорящем» этнониме. О социальной структуре или политической организации общества если иногда и упоминается, то в очень обобщённой и сжатой форме. Например, в рассказе Диодора о троглодитах (III, 32) отмечается только их большая численность, а также то, что их «ордами» управляет предводитель.

Достаточно редкое упоминание о формах семейных отношений даёт основание предполагать, что многие описываемые этнические группы или вовсе не знали семейных отношений, или формы их не признавались греками за таковые. Часты случаи упоминания общности жён и детей: у ихтиофагов (Diodor. III, 15; Strabo XVI, 770), хилофагов (Diodor. III, 24; Agatharch. V, 23), троглодитов (Diodor. III, 32; Agatharch. V, 30), у которых, правда, по Диодору, вождь имел право на жену и детей.

В этнографических описаниях в греческих источниках часто уделяется внимание такому важному для этических представлений греков моменту, как отношение к старости. Имеется много указаний на почтительное отношение эфиопов к старым людям, например свидетельство Диодора об огромном авторитете старых женщин у мегабариев, которые пользовались таким влиянием, что по их слову могли прекращаться военные действия (этнографические материалы из разных регионов мира дают аналогичные примеры, характерные для большинства традиционных обществ). Хотя наряду с этим часто говорится об обществах, где больные, старики и калеки считаются недостойными жизни (Diodor. III, 33). По большей части античные авторы дают описания, из которых ясно, что женщины и дети, являясь общим достоянием племени, составляли пассивную его часть.

Вопрос о политической организации мелких племён эфиопов очень трудно разрешим по причине особого характера античных этнографических описаний (о чём уже сказано) и недостаточного знакомства греков с этими удалёнными и неизвестными народами. Но в некоторых случаях, особенно при описании этносов, в которых, по свидетельствам античных авторов, формой социальной организации была орда во главе с предводителем, имеются другие материалы (особенно надписи), позволяющие предполагать наличие у них более сложных социальных структур. Например, в надписи из Адулиса (CIL n.5127) говорится об отношениях царей Адулиса с различными эфиопскими племенами (горными и из глубины континента) и их царями; это даёт основание считать, что они имели какую-то политическую и военную организацию.

Античные источники и эпиграфика римского времени свидетельствуют, что вдоль Нила выше Египта существовали высокоразвитые урбанистические центры: так, в надписи Корнелия Галла упоминаются города Боресис, Коптос, Керамик, Диосполис, Офис, Фила, а также Фиваида с многочисленными княжествами⁹².

Из источников следует, что в Чёрной Африке рядом с кочевыми и полукочевыми этносами, находившимися на стадии племенной организации, существовали и народы, стадийно-экономический уровень развития которых уже соответствовал или приближался к раннему типу городской цивилизации.

Античные источники свидетельствуют о наличии городов и поселений двух типов: прежде всего, это города-государства полисного типа — колонии — с населением неафриканского происхождения, связанные со своими метрополиями. Их основателями и жителями были греки со своими городами Киреной в Пентаполисе и Навкратисом в Египте, а также финикийцы, основавшие на северо-западном средиземноморском побережье города Ликс и Карфаген. С течением времени возникали новые города в результате постепенной экспансии на новые территории; так, из перипла Ганнона известно об основании тридцати финикийских колоний на западно-африканском побережье; у Страбона упоминается не менее тридцати различных пунийских поселений на всех африканских побережьях (Strabo XVII, 829). Вторую группу городов образуют автохтонные города и поселения: в северной Ливии — столица знаменитого царства гарамантов — Гарамы (Plin. N.H. V, 36), на Ниле — Мероэ (Herod. II, 29–30; Diodor. III, 6; Agatharch. V, 22), на красноморском побережье и в восточной Африке более всего названий городов. У Страбона содержится тридцать пять названий городов и поселений Эфиопии (XVI, 769 – XVII, 829).

Маршрут путешествий Страбона по Африке включал в себя как области Восточной Африки и Красноморья, так и средиземноморское и западное побережья: выйдя из Египта от мыса Дир, он двигался вверх по Нилу до самого восточного побережья, углубляясь далеко в южном направлении. Его описания разных этапов своей африканской экспедиции дано очень обстоятельно и состоит их четырёх этапов: из Египта до Мероэ (XVI, 769–771); от Мероэ до пустыни (XVI, 771–773); от пустыни до Южного Рога (XVI, 773–774); от Южного Рога до Столпов Геракла (XVII, 824–829) (области от Мероэ до Южного Рога описываются также в XVII, 785–823).

На отрезке пути до Мероэ Страбон называет города Дир, Гиерополис, Филотерас, Арсиною, Миос-Хормос или Афродитес-Хормос, Беренику, Офиодес, порт Богини-Хранительницы, Птолемаиду слонов, порты Элею, Сабу и местность, называемую «Охота на слонов». Затем он говорит о городах Сиене, Элефантине, Филах, Пселхисе, Премнисе и Напате (у Иосифа Флавия Напата называется Саба — Antiq. Iud. II, 10, 2).

От Мероэ до пустыни Страбон называет порт Мелинус, где помещались «дома охоты», порт Антифил, Беренику Сабы, Сабу, Дарабу и «стоянку у колодца», откуда осуществлялась охота на слонов. От пустыни до Южного Рога Страбон встретил города и охотничьи фактории — Пифангелос (охота на слонов), Арсиною, Дир, факторию «Охота на слонов», Лиху (также место

охоты на слонов), город Льва, Дафнус, порт Птигмус, колодец кинокефалов (как видно, автора чрезвычайно интересуют места охоты и порты — пункты, особо важные для торговых интересов римлян).

В Северной Африке Страбон уделяет больше внимания названиям отдельных районов и гор, а названий городов приводит немного, но в целом, не давая подробного описания, он упоминает о трёхстах пунийских поселениях (XVII, 824–829).

Интересно, что и в Перипле Эритрейского моря обнаруживается тот же, что у Страбона, прагматический характер фиксации не только городов и населённых мест, но и охотничьих факторий (стоянок, баз) и портов, что вытекало из экономических и торговых интересов античного мира в обильных природными богатствами областях Эфиопии. В перипле описываются те же регионы, что у Страбона, и многие данные совпадают (в частности, называется много тех же городов, поселений и портов на Красном море), но осведомлённость автора перипла о глубинных районах иногда более широка: он знает около сорока названий разных пунктов на том же участке пути, которым шёл Страбон, причём здесь более тщательно отмечаются основные местные продукты и товары, предназначенные на экспорт (что даёт важный материал для реконструкции экономической стороны жизни разных областей Эфиопии и показывает содержание торговых и экономических интересов античности в этих регионах мира).

Само по себе существование во многих областях античной Эфиопии городов и поселений, даже при дефиците подробной информации, даёт возможность сделать заключение о том, что некоторые из негрских народов Эфиопии по степени развития политической и военной организации и по имевшимся у них экономическим возможностям уже достигли достаточно высокого стадийного уровня и входили в ряд предгосударственных и раннегосударственных образований ойкумены.

Более того, известия античных источников о городах эфиопов и подробности, указывающие на их разностатусный характер, даёт основания для вывода о существовании в древней Чёрной Африке и могущественных царств с развитыми государственными микро- и макроструктурами. Так, многие города выступают в источниках не как отдельные полисные образования, а входят в некие более масштабные конгломераты, тяготеющие к какому-либо одному политическому центру. Например, в отчёте об экспедиции Петрония против царицы Кандаки города Пселхис, Премнис, Сиена охарактеризованы как примыкающие к Напате, которая была известна античным авторам как столица царства Кандаки (Strabo XVII, 819–820). Геродот и все последующие авторы описывали город Мероэ как великую метрополию. Гораздо позже, в Перипле Красного моря, говорится о царстве аксумитов и порте Адулис как о значительной политической и эконо-

мической силе, признанной всем миром и расположенной рядом с Мероэ (Periplus Maris Erythraei 2, 4, 17, 24).

Свидетельства античных авторов о могущественном и блестящем царстве эфиопов — Мероэ — нашли, как известно, полное и убедительное подтверждение благодаря многолетним и глубоким исследованиям археологов и многочисленных специалистов в разных областях науки, создавших целое научное направление в востоковедении, носящее название мероистики⁹³. Степень изученности проблем Мероэ и доступность литературы по ним позволяют не вдаваться в их подробное изложение, ограничившись только отсылкой к некоторым основным вехам истории древнего царства эфиопов в связи с обсуждаемой темой.

Примерно до 1100 гг. до н.э. Египет и Нубия активно сдерживали продвижение к их границам эфиопов с юга. После этого времени южные негроиды-эфиопы значительно продвинулись в северном направлении, устроив свою столицу в районе Напаты, с VII в. до н.э. получившей имя Мероэ (у Иосифа Флавия имеется сообщение о том, что Напата была переименована в честь сестры Камбиса — *Antiq. Iud.* II, 10, 2). В период между 700 и 300 гг. до н.э. Мероэ было столицей второго царства эфиопов, выполнявшая сдерживающую функцию на пути египетской экспансии в направлении южных внутренних областей Африки. Вокруг столицы существовало множество городов, остатки которых обнаружены археологами на пустынном восточном берегу Нила вплоть до Хартума. В самом Мероэ раскопками открыты многочисленные доказательства того, что это была столица богатого и могущественного государства с высокоразвитыми культурой, религией, политической иерархизированной структурой, представлявшими одну из самобытных древних африканских цивилизаций. Здесь были раскопаны царский дворец, храмы, посвящённые Исиде, Солнцу и другим божествам, царский некрополь и пирамиды, сложенные из кирпича, с погребальными камерами и орнаментированными пилонами. Один из комплексов (южный) относится к периоду с VIII по III вв. до н.э., второй (северный) — к III в. до н.э. — III в. н.э.

Об уровне развития этой древней «эфиопской» цивилизации свидетельствуют находки здесь и в районе Хартума железных изделий, железоплавильных печей и куч железного шлака, свидетельствующих о развитии в этом регионе технологии обработки железа в период около VI–V вв. до н.э., которая, по мнению некоторых исследователей, распространилась именно отсюда в южные и западные районы Африки (существует, впрочем, другая гипотеза, по которой в западной Африке существовал собственный независимый центр железного производства, возникший в тот же период или даже раньше⁹⁴).

Использовавшие первоначально египетскую письменность, о чём свидетельствуют надписи на мероитских памятниках, с I в. до н.э. мероиты

разрабатывают собственную оригинальную письменность, лучше приспособленную к местному языку.

О военном могуществе мероитов свидетельствует Страбон, рассказывающий о завоевании ими Фиваиды вместе с городами Элефантиной и Филами и подтверждающий, что у них было множество крепостей, в том числе Пселхис, Премнис, Напата — столица государства (Strabo XVII, 819–821). Город находился на слиянии Астаборы и Астапа, у Нила, и был неприступен благодаря самой природе выбранного места (Herod. II, 29; Diodor. I, 33; Strabo I, 62; XVI, 770; XVII, 786; 821; Ioseph. Flav., Antiq. Iud. II, 10, 2).

Иосиф Флавий характеризует Мероэ как один из блестящих городов древности (Antiq. Iud. II, 10) и также отмечает его защищённость топографическими особенностями места: «Это место чрезвычайно труднодостижимо для любого неприятеля: Нил образует вокруг него кольцо; другие две реки — Астап и Астабора — затрудняют подступы, так как перекрывают дорогу к городу. Город оказывается внутри водных преград, подобно острову; каменные мощные стены защищают и от неприятеля, и от разливов рек».

Сформировавшийся в античной традиции об Эфиопии образ могущественного и удивительного африканского царства, созданного эфиопами-макробиями, ассоциировался, безусловно, либо с Мероэ, либо с не менее древним и могущественным Аксумом. Точное решение этого вопроса, по-видимому, невозможно, хотя Аксум кажется более предпочтительным кандидатом на роль прототипа «эфиопского царства» в силу своей гораздо более южной локализации в пределах реальной Эфиопии. Однако, учитывая, что античные источники не дают точных сведений о локализации Аксума и каких-либо подробностей о его социальной и политической жизни, а относительно Мероэ они донесли гораздо больше реальных сведений, можно с большой долей уверенности говорить о том, что в образе «эфиопского могучего царства» соединились черты обоих государств эфиопов, вполне соответствуя свойственному античным представлениям образу.

Царство Аксум, расположенное к югу от Мероэ, было могущественной державой Африки (собственно Эфиопии) в древности. Легендарная традиция возводит эфиопскую династию к царю Соломону и царице Савской, датируя время их жизни примерно X в. до н.э. Первый античный письменный источник, достаточно подробно рассказывающий о политической жизни аксумитов, — Перипл Эритрейского моря, отражающий знания I в. н.э. Разумеется, некоторые подробности о политическом устройстве и социальной жизни Аксума известны по свидетельствам других античных авторов — Геродота (III, 20 и др.), Диодора (III, 5–9), Страбона (XVII, 822–823 и др.).

Аксум характеризуется как крупная метрополия, находящаяся в пяти днях пути от Адулиса — крупнейшего торгового порта, важнейшего узла

на пересечении главных дорог афро-азиатской торговой зоны. В трёх днях пути от Адулиса источники помещают другой важный торговый центр — Колоэ. Перипл называет царём страны Зоскалеса, властолюбивого и весьма сведущего в греческой грамоте человека (*Periplus Maris Erythraei* 2, 4, 17, 24). Царство аксумитов занимало огромную территорию, простираясь от Нубии до Восточной Африки и от гор современной Эфиопии до Красного моря, включая и его азиатский берег (территорию современного Йемена), а столица, как свидетельствуют археологические памятники, — остатки грандиозных сооружений, обелиски, античные монеты и пр., — была богатейшим центром политической, торговой, культурной и религиозной (всегда являясь религиозной метрополией страны) жизни. Таким образом, высокий престиж Аксума в древнем мире имел под собой вполне объективные основания.

По фрагментарным и разрозненным данным, содержащимся преимущественно в исторических источниках и наиболее полно скомпилированным Диодором Сицилийским, можно представить обобщённую картину политической жизни государств южной части континента — Эфиопии античного мира. Свидетельства Диодора говорят о существовании здесь выборной монархической системы, базирующейся на признаваемом всем народом действующем законодательстве и правовой системе, отчасти оригинальной, отчасти похожей на египетскую. Политическое устройство в целом характеризуется античными авторами как относительно демократическое, признающее основанием всякой власти (в том числе выборной царской власти) народ, что, однако, не исключало и других оценок, которые отмечали проявления деспотизма правителей по отношению к своим подданным.

О монархической системе у эфиопов античный мир знал издревле, особо акцентируя выборность эфиопских царей и неизменно удивляясь экзотичному для греков критерию этого выбора. Геродот, рассказывая о том, что претендент на царство должен был быть самым высоким и прекрасным наружностью из всех прочих, специально подчёркивает исключительно африканский характер этого обыкновения словами «по понятиям соплеменников» (*Herod.* III, 20–24). Это свидетельство Геродота многократно повторено другим античными писателями: Аристотель в «Политике» упоминает, что в Эфиопии царей выбирают по их красоте, силе и безупречности телосложения (*Aristot., Politica* II, 189). Диодор, гораздо лучше осведомлённый об Эфиопии, излагает этот факт с новыми подробностями, одновременно сообщая, что такой способ избрания царя практикуется многими африканскими племенами и народами и что обычаи и ритуалы выборов бывают различными (*Diodor.* III, 9). В своём свидетельстве Диодор говорит: «Эфиопы избирают на царствование из тех, кто обладает самым прекрасным телосложением, так как полагают, что и царские достоинства (сан), и физические отличия являются даром судьбы; к тому же такие люди богаче

других одарены способностью к воспитанию воинов, а потому они лучше прочих приспособлены исполнять роль царя. Другие предпочитают выбирать на высшую должность власти из самых богатых, так как полагают, что они, обладая большими сокровищами, сумеют лучше помочь своему народу. Наконец, есть и такие, кто избирает царём человека, славящегося своим отменным здоровьем, поскольку они считают, что такой человек лучше других приспособлен к приобретению воинской славы и единственный из всех заслуживает носить высший титул».

Выборная монархия (этот термин в большей части случаев его использования в применении к африканским правителям следует понимать в буквальном значении — «единовластие, единоправие», не вкладывая в него того значения, в котором он выступает при обозначении абсолютного, единовластного владыки в иерархизированном обществе с развитой государственностью и наследственностью власти) является свидетельством того, что главной основой власти остаётся народ. Это положение хорошо подтверждается и тем, что для подобных африканских обществ источники свидетельствуют о праве того же избирающего на царствие народа приговаривать царя к смерти, что делает народ в буквальном смысле хозяином жизни и смерти своего владыки.

Это свидетельство античных источников подтверждает существование у эфиопов института ритуального убийства царя, широко распространённого у разных народов мира на ранних исторических стадиях и давно описанного в этнографии. Диодор рассказывает об этом обычае, практиковавшемся в жреческой касте мероитов и отменённом эфиопским царём Эргаменом. В рассказе Диодора говорится, что жрецы Мероэ, считая себя посредниками между людьми и богами, обладали огромной властью и авторитетом, которые распространялись и на особу царя. Часто, будучи недовольными правлением царя, они, ссылаясь на волю богов, узnanную ими от оракулов, приговаривали его к смерти и лишали жизни. Часто причиной их приговоров были военные неудачи или пренебрежение царём заботами о храмах и жрецах, иногда же решение о лишении царя жизни выносилось на том основании, что он слишком долго правил, а значит, по их мнению, становился уже не способным в полной мере осуществлять царскую власть. Однако в царствование Птолемея II Эргамен, царь эфиопский, обучавшийся в греческой школе и изучавший философию, первым решился объявить этот порядок абсурдным, и он лишил жизни всех жрецов эфиопского Храма золота и упразднил этот местный варварский обычай, управляя в дальнейшем страной исключительно по своей воле (Diodor. III, 6).

Обычаи выборов и ритуального убийства царя (вождя или вообще сакрализованного правителя любого ранга) были чрезвычайно живучи и сохранялись, что зафиксировано в этнографической литературе, у многих африканских народов вплоть до нового времени⁹⁵. Интересен комплекс пред-

ставлений, связанных с фигурой сакрализованного правителя и обычаем ритуального убийства священного царя. Многочисленные этнографические материалы позволяют реконструировать основные положения той идеологической конструкции, которая отражала представления традиционных обществ о царской (вождевой) власти и лежала в основе института ритуального убийства. Комплекс основных признаков, обязательных или желательных для главного носителя сакральной, социальной, экономической, политической или правовой власти (или всей совокупности властной функции), складывается на основании критериев богатства, красоты и физического совершенства (отсутствие физических изъянов — обязательное условие, предъявляемое к сакральному правителю), а также могущества и силы, призванных обеспечить защиту и покровительство всему народу со стороны царя. Как видно, эта ценностная шкала, в которой отражаются качества стереотипного традиционного образа правителя, достоверно зафиксирована в античных источниках, когда в них рассказывается о выборах царей у эфиопов. Ритуальное же убийство священного царя следует рассматривать как необходимый механизм, призванный обеспечить защиту благополучия общества и его нормальное функционирование, гарантом чего являлось полное соответствие центральной властной фигуры идеальному образу сакрального правителя.

Давно доказанный этнографией факт обязательной связи обычая ритуального убийства с культом священного царя (сакрализованного правителя) убедительно подтверждается античными источниками, свидетельствующими о его широком распространении в Африке у эфиопов (шире, чем где-либо в другом месте мира). Диодор (III, 3) отмечал, что «цари почитаются подобно богам, заботы по уходу за гробницами и местами захоронения мёртвых и большинство прочих обрядов — эфиопские по происхождению установления».

О явном интересе к культу царя у эфиопов свидетельствует подробное описание церемонии интронизации в труде Диодора (III, 5): «Жрецы выстраивают по порядку всех участников церемонии в соответствии с их положением; в их числе находится и претендент на царскую должность, который узнаётся по тому, что во время пиршества, блестящего и проводящегося по строго определённого ритуалу, божество подаёт знак, по которому все хватают того, кому предназначено быть царём народа. В знак признания его избранничества все повергаются перед ним ниц, восхваляют его и почитают, как будто он бессмертный, поскольку он является единственным, которому высшим провидением дарована высшая власть». Среди прочего царский культ проявляется и в том, что персоне царя выказывается особая преданность, выражается верность ему, сохраняется привязанность к нему вплоть до наступления у царя физической немощи, и все подражают ему во всём, даже в жестах и манерах (Diodor. III, 7). В подтверждение

сказанному Диодор с изумлением и некоторой иронией, но одновременно с большой точностью и достоверностью в деталях пишет следующий пассаж: «Говорят, есть другой закон, по которому друзья царя (по-видимому, речь идёт о какой-то определённой категории в социальной иерархии и слова "друзья царя" следует понимать как термин для её обозначения) абсолютно покорны ему — закон этот существует и в наши дни — и сопровождают его при выходах во время приёмов каких-либо чужеземцев. Если царь при каких-либо обстоятельствах лишится какого-либо члена своего тела, то его приближённые, живущие с ним рядом на правах членов семьи, добровольно лишают себя той же части тела. Они честью для себя считают, если, например, царь хромает на одну ногу, хромота на ту же ногу; и делают это все приближённые. И все, когда он совершает торжественный выход, следуют за ним не иначе, как прихрамывая, потому что, как они считают, так они выражают свою любовь к царю, и полагают справедливым разделять с ним как счастье, так и горести жизни <...> У них в обычае также, когда царь умирает, точно так же вместе с ним принимают смерть и все его приближённые, и смерть эту считают большой честью, так как она подтверждает их преданность и дружбу с царём. Замышлять что-либо против царя весьма трудно, так как и сам монарх, и его приближённые имеют равный интерес в сохранении их общей безопасности» (Diodor. III, 7).

Неизменное внимание греческих источников к обычаям и законоустановлениям (νόμοι) эфиопов объясняется не только этнографическим интересом к экзотическим феноменам в жизни варварских народов, но и особым отношением греков к самому понятию закон (νόμος), который воспринимался ими как высшая добродетель, что породило в системе греческих ценностей настоящий культ закона. Показательной иллюстрацией этого могут служить смерть Сократа в платоновских диалогах «Критон» и «Федон» или описываемая в «Тимее» история о египетском происхождении законов Солона, привезённых им для Афин. Об эфиопском происхождении самих египетских законов писали практически все античные авторы, никак не опровергая древнюю традицию о тесной взаимосвязи и даже зависимости (в области культурных инноваций прежде всего) Египта от Эфиопии: «Утверждают, что большинство обычаев, которыми пользуются египтяне, по происхождению эфиопские» (Diodor. III, 3). Несмотря на практиковавшийся культ царя, закон в Эфиопии оставался высшей и неприкосновенной ценностью, и сам царь был не вправе что-либо изменять в нём (Diodor. III, 5): избранный на царство царь был обязан сообразовываться в своём образе жизни с предписанными правилами, определяемыми законами, и следовать во всём, что он обязан делать, тем же обычаям, что и его предки. Закон запрещал ему приговаривать к смерти кого бы то ни было из его подданных, даже если он и заслуживал смертной казни. В этом случае царь ограничивался тем, что созывал на суд особых министров, и

сам являлся туда же с особым знаком, означавшим его решение о вынесении смертного приговора; и приговорённого к смерти тотчас же отводили к нему в дом, где он сам лишал себя жизни. Можно было покинуть свою страну и поселиться в чужой, соседней, и, как у греков, искупить ссылкой свою вину, но многие предпочитали смерть по приговору в отечестве.

Закон у эфиопов был более властен над самим царём, чем над народом, и сам по себе имел магическую власть, так что практически сопротивление закону не бывало (что совершенно согласуется с установленным этнографией реальным положением дел в традиционных обществах разных регионов мира). Конечно, говоря об эфиопских законах, следует учитывать принятый в греческом мире узус употребления термина νόμος, который обозначал одновременно и собственно «закон» (как писанный, так и «неписанный» закон обычного права), и обычай, установление, обыкновение, привычку. Чаще всего в описаниях африканских νόμοι античные источники говорят именно об обычаях, и реже о законах, как-то фиксированных в обществах более высокого уровня, обладавших государственностью и подробно разработанными правовыми системами, имеющими характер общегосударственных законоуложений (Herod. III, 17–25; Strabo XVI, 775; Diodor. III, 5–7; Agatharch. V, 21 и др.). Античные источники содержат информацию об обычаях, регламентировавших самые различные сферы жизни (общественной и частной) у эфиопов; например, грекам были известны обычаи воспитания детей, практикующийся многими африканскими народами обычай совершать обрезание (Herod. II, 104; Diodor. III, 32; Strabo XVII, 796; Agatharch. V, 30) и многие другие обычаи и нормы обычного права, зафиксированные современной этнографией и подтверждающие точность античных свидетельств.

Вообще, в подходе античных источников к описанию эфиопов, негроидной части автохтонов Африки, ясно различимы две тенденции. С одной стороны, античный мир склонен был рассматривать всех чернокожих эфиопов как некий общий нерасчлняемый этнический массив, представляющий собой жителей мифологической (во всяком случае, самой отдалённой и смутно известной) страны, ассоциировавшейся с гомеровским эфиопским царством. С другой же стороны, непосредственный, постоянно увеличивающийся опыт и накопление конкретных знаний о Чёрной Африке приводил к тому, что античные авторы прекрасно различали отдельные эфиопские этносы и части больших этнических объединений, которые и были зачастую непосредственными объектами их описаний. Поэтому, рассказывая о тех или иных мелких этносах или племенах, известных им лично или по рассказам информантов, античные авторы нередко говорят не о целых этнических единицах, а только о части того или иного крупного народа. Когда эти описания оказываются в контексте повествований о каком-либо «царстве» эфиопов, то есть крупном предгосударственном или

государственном образовании, то и сам описываемый небольшой этнос или племя есть основания рассматривать как часть какого-то крупного народа, а не отдельное племя. В этих случаях некоторая подсказка для отнесения описываемого этноса или племени в разряд самостоятельного этноса или части большого может содержаться в упоминании царя.

Совсем редко встречаются в источниках сведения относительно социальной стратификации эфиопских обществ и наличия в них профессиональных групп, но ценность таких данных трудно переоценить. Достаточно вспомнить о таком важном и достоверном факте, как сообщения античных авторов о касте жрецов в мероитском царстве, о которых некоторые авторы располагали подробнейшей информацией: «В Мероэ жрецы, неся обязанности исполнителей священного культа и воздавая знаки уважения богам, считались самым благородным сословием в государстве; они пользовались самым большим авторитетом и могли, когда им в голову приходила мысль, тотчас послать гонца к царю с приказом ему умереть» (Diodor. III, 6). Но это редкий случай, когда источник даёт подробные сведения о социальной профессиональной группе, чаще мы имеем только упоминание или намёк (вроде уже отмеченного случая с «друзьями царя» в иерархии мероитского двора).

Принимая во внимание сложившуюся в представлениях античности репутацию эфиопов как отважных и умелых воинов и всё известное о воинском искусстве и приспособленности эфиопов в делах войны (а также почётность военной профессии в любом обществе), закономерно ожидать, что источники не обойдут вниманием профессиональные группы воинов (свидетельствующие, кстати, о достаточной сложности социальной структуры) в описаниях эфиопских этносов. На самом деле, свидетельств об эфиопских солдатах имеется очень много начиная с их самых ранних изображений в египетском искусстве и письменных источниках и в античных изобразительных и письменных памятниках: о храбрости и воинской доблести эфиопов на примере неустрашимого царя эфиопов говорил Пиндар (Pind. Isthm. V, 40); та же тема явственно выражена у Геродота (III, 21) в ответе царя макробиев персидскому царю: «Царь эфиопов советует царю персов только тогда идти войной на долговечных эфиопов, хотя бы и в большом числе воинов, когда персы будут натягивать такой величины луки с такой же лёгкостью, как натягиваю я, а пока они должны благодарить богов за то, что они не внушают сынам эфиопов охоты присоединить к своей земле чужую». У Страбона описывается численность эфиопской армии Кандаки и её вооружение (XVII, 819–820). Диодор сообщает, что у некоторых африканских этносов участвуют в войне даже женщины: «Они вооружают даже женщин, которые в критические моменты оказывают [армии] военную помощь» (III, 8).

Однако воинские занятия по большей части ещё не были обязанностью определённой, выделенной профессиональной группы, являясь делом каждого мужчины, берущего в нужное время оружие для защиты своего народа. Это положение было характерно для подавляющего большинства эфиопских этносов, описываемых античными источниками, за исключением тех немногих случаев, когда речь идёт о больших этнических единицах с более развитыми социально-политическими структурами, где уже могли существовать постоянные профессиональные группы.

В таких обществах были социальные группы с пониженным статусом, преимущественно рабы и военнопленные, не имевшие гражданских прав и использовавшиеся на тяжёлых работах; известно, что эфиопы употребляли рабов и военнопленных для работ на золотых приисках и в соляных копях, а также на других самых трудных работах (Diodor. III, 12–14; Agatharch. V, 10).

В наблюдениях греков в области социального устройства эфиопских этносов (которые не были ни регулярными, ни частыми), не упущен из виду и такой вид естественной стратификации общества, как половозрастная стратификация, с возрастными классами или без таковых (обладающая, тем не менее, значимыми последствиями для реального положения соответствующей группы в обществе и отражающаяся на её участии в разных сферах жизни социума). Естественное деление на возрастные группы, имеющее всеобщий характер и играющее особо важную роль в обществах архаического типа (в ярко выраженной форме присущее африканским традиционным обществам с древности до сегодняшнего дня), часто отмечается античными источниками. По их данным вырисовывается вполне ожидаемая и закономерная картина половозрастной стратификации, в которой выделяются дети, женщины, взрослые дееспособные мужчины и старики. Правда, античные авторы лишь изредка упоминают незначительные детали, позволяющие угадать более сложную реальность, в которой каждая группа общества с половозрастной стратификацией имеет строго определённые обязанности и права, систему ритуалов перехода и обрядов, связанных с переменой статуса и т.п. Но при всей лаконичности и случайности подобного рода свидетельств всё же можно говорить о том, что информация греков адекватно (хотя иногда косвенным образом) отражает реальную сложность и иерархизированность африканских общественных структур.

Значительное место в античных источниках по Африке занимает информация о природных богатствах континента — её флоре, фауне и полезных ископаемых, — отражающая естественно-научные и экономические (торговые в первую очередь) интересы античного мира. Эта часть африканской тематики в античных источниках имеет собственную специфику, которую необходимо учитывать при её верификации. Основной её чертой является то, что, подобно тому как греки «удваивали» реальность, созда-

вая образ «эфиопа» в своей культурной традиции, так же они «удвоили» и образ самой страны эфиопов — Эфиопии. В первом случае «удвоение» происходило потому, что греки имели две равноактуальные на всём протяжении античности матрицы: идеального, мифологического по сути, эфиопа и конкретного, вполне реального человека чёрной расы, о котором узнавали всё больше, что позволило им создать точный, соответствующий истине портрет африканского негроида. Таким же образом (по двум клише) происходила и редупликация образа страны эфиопов: одна Эфиопия всегда оставалась мифической страной крайнего юга ойкумены, возлюбленной богами землёй, обильной благами страной обетованной, далёкой от реальности, со сказочной природой, фантастическими животными и растениями; другая — вполне достоверная южная страна, с экзотическим, но вполне реальным растительным и животным миром и богатыми недрами, знания о которых постоянно увеличивались за счёт подробностей, получаемых в процессе расширяющихся контактов греков с африканцами.

Природные богатства Африки всегда привлекали внимание античных авторов начиная с Гомера, описывавшего её как благодатнейшую часть мира (*Odys.* IV, 84–89). Из совокупности сведений о флоре, фауне и полезных ископаемых греки адекватно представляли себе Африку как страну охоты и скотоводства, земледелия и минеральных богатств.

В контексте образа легендарной Эфиопии нашли своё место многочисленные сказочные, легендарные и фантастические животные и птицы, которые воспринимаются как неотъемлемая принадлежность мифологического бестиария в картине таинственной и богатой страны на краю ойкумены. Множество таких созданий описывает Геродот (IV, 191–192), а затем эта линия продолжается в последующей письменной традиции: Агатархид рассказывает об удивительных монстрах и змеях (*Agatharch.* V, 46 = PG CIV, 58), Диодор (III, 36–37) и Страбон (XVII, 774) также не забывают о фантастической фауне. Иногда в персонажах мифологического бестиария просматриваются некоторые черты реальных африканских зверей. У Ктесия (*Ctesias*, fr.87) и Диодора (III, 34) описывается загадочный эфиопский крокофт (*Crocottas*), в котором некоторые угадывают черты гиены: это существо храброе, как лев, быстрое, как лошадь, горячее, как бык; оно кричит по ночам человеческим голосом, заманивая людей, и пожирает их. У Диодора (III, 35) говорится о том, что змеи в Эфиопии так огромны, что пожирают слонов, а в зоопарке Птолемея II была какая-то специально выдрессированная для борьбы со слоном гигантская змея (*Diodor.* III, 37).

В античных источниках парадоксально соседствуют животные и звери сказочные и абсолютно реальные, интерес к которым был вполне прагматическим. В этом смысле чрезвычайно показательным одно место из «Истории» Геродота (IV, 191–192), посвящённое подробному описанию фауны Ливии и имеющее значение полноценного и достоверного фаунистического ис-

точника, в котором, тем не менее, учитывается и легендарная фауна. Схема описания животного мира у Геродота многократно повторялась другими авторами, поэтому небесполезно привести это место с минимальными сокращениями:

«К западу от реки Тритона на границе с авсеями живут уже ливияне-земледельцы, имеющие постоянные жилища; называются они максиями <...> Страна их, равно как и остальная западная Ливия, гораздо богаче животными и лесами, нежели Ливия кочевников. Восточная часть Ливии, занятая кочевниками, низменна и песчана до самой реки Тритона, а начиная оттуда, к западу, Ливия земледельческих народов гориста, изобилует лесами и зверями. Здесь водятся огромные змеи, ужи, львы, слоны, медведи, рогатые ослы, люди с пёсыми головами, люди безголовые с глазами на груди (так, по крайней мере, рассказывают ливияне), дикие мужчины и такие же женщины, и множество других обыкновенных животных. Таких животных вовсе нет у ливиян-кочевников; зато у них водятся антилопы-пигарги, газели, буйволы, ослы не рогатые, но не пьющие воды, потом ории, из рогов которых изготавливаются рукоятки для так называемой финикийской лиры, — величиною это животное с быка, — далее лисицы, гиены, дикобразы, дикие бараны, диктии, шакалы, пантеры, бории, земноводные крокодилы локтя в три длину, очень похожие на ящериц, страусы и однорогие змеи. Кроме этих животных там водятся все те, что и в других странах, за исключением оленей и диких кабанов; впрочем, олени и дикие кабаны не встречаются в Ливии вовсе. Водятся здесь ещё тройкой породы мыши: одни называются двуногими, другие зегериями (ливийское слово, означающее холмы); третья порода — ежи. В тех местах, где растёт сильфий, водятся ласки, совершенно сходные с тартесскими ласками. Вот каковы животные в Ливии на всём пространстве, о котором мы могли собрать сведения». Кроме того, говоря о Ливии и Эфиопии, Геродот упоминает саранчу, которую высушивают, размалывают и готовят в виде лепёшек (IV, 172); страусов (IV, 175), змей, ящериц, других рептилий всевозможных видов (IV, 183), а также пчёл, приносящих мёд, и обезьян, употребляемых в пищу (IV, 194).

Множество разных животных Эфиопии называет Агатархид, о некоторых из них он рассказывает по несколько раз: слоны (V, 1, 6, 25), рыбы (V, 12, 54), раковины (V, 13), тюлени (V, 17), черепахи (V, 19), киты (V, 20, 43), львы (V, 22, 33), страусы (V, 26), орикс (V, 26), саранча (V, 27), комары (V, 23), змеи (V, 28, 41, 42), скорпионы (V, 28); мирмиколеоны (муравьи-львы), пардалы, носороги, жирафы (*camelopardales*), сфинкс, кинокефалы (собакоголовы), ибисы, плотоядные быки, крокотты (V, 33–41).

Фаунистический репертуар у Диодора и Страбона примерно тот же, но каждый автор обычно расширяет список известными ему данными. У Диодора упомянуты мурены (III, 15), дикие быки (III, 25), луговые пауки-сенокосцы (III, 30). Страбон называет цесарок (XVI, 769), мор-

скую собаку (XVI, 770), гиппопотамов, крокодилов, ибисов (XVI, 774), мирмиколоонов, носорогов, жирафов (XVI, 774), верблюдов (XVII, 815–816), эфиопских ястребов-перепелятников (коршунов?), которые являются объектом культа, пиявок, ласок, обезьян, слонов, косуль, антилоп (XVII, 826–828). Фаунистические сведения Страбона считаются наиболее полными во всех греческих источниках. У него, кстати, ярко проявляется острый интерес античных авторов к африканским слонам, на которых охотились и по причине высокой ценности слоновьего бивня, и ради их использования в военных целях, и для отправки в зоопарки античного мира; поэтому Страбон тщательно учитывает все известные места, использовавшиеся для охоты на слонов на красноморском побережье и в разных районах Восточной Африки.

Автор Перипла Эритрейского моря демонстрирует достаточно типичный для определённых периодов утилитарный подход к описанию животного мира Эфиопии, обращая внимание только на тех животных и зверей, которые требовались в средиземноморских странах и были предметом торговли с африканцами: для него важны слоны во внутренней Эфиопии и около Адулиса, а также черепахи, панцирь которых был ценным поделочным материалом, излюбленным античными мастерами, изготовлявшими из него ювелирные поделки, различные инкрустации по дереву и особо драгоценные столешницы (*Periplus Maris Erythraei* 4, 6, 10, 17, 30).

Кроме диких животных, птиц и зверей у древних авторов присутствуют описания одомашненных животных, которые чрезвычайно важны для реконструкции картины способа и типа хозяйственной деятельности автохтонов различных районов Африки, а также дают представление о составе и количестве domestифицированных животных. Первое описание домашних животных Африки принадлежит Гомеру, рассказывавшему об огромных стадах коз, овец и коров, щедро дающих молоко, из которого ливийцы приготавливали сыр (*Odys.* IV, 84–89). У Геродота говорится о больших стадах (IV, 172), лошадях (IV, 170; 183; 189), о быках с огромными рогами, пасущихся, пятясь назад (IV, 183), козах (IV, 187). Агатархид упоминает собак, овец, коз, баранов (V, 29–30).

У Диодора из домашних животных названы бараны (III, 8), собаки, быки, индейки, волы, коровы, овцы, козы (III, 31–33; 37). Страбон рассказывает о собаках и «индийских» волах (XVII, 786), баранах, овцах, малорослых собаках (XVII, 821) и лошадях (XVII, 828).

В целом описания domestифицированных животных точно отражают реальное положение дел в животноводческом хозяйстве африканских автохтонов севера и юга.

Что касается флористических описаний в греческих письменных источниках, то к ним в полной мере приложима данная выше характеристика концепции античности в восприятии природы Африки: наряду с утилитар-

ным интересом к растительности континента, в источниках отражается и мифологический аспект в представлениях об африканской флоре. В мифологическом контексте греческой традиции об Африке африканская растительность приобретает наряду с реальными ещё и фантастические формы: все растения здесь огромной величины, с невиданными и необычайными плодами, обладающими волшебными свойствами.

Геродот рассказывает о знаменитом и легендарном растении сильфии (IV, 169), чрезвычайно популярном в античном мире, являвшемся предметом экспорта с древнейших времён основания греческой Кирены (значение и слава сильфия были столь велики, что его изображение даже помещалось на киренских монетах и часто появлялось в греческой вазописи; его использовали и как пряную приправу, и как лекарственное средство, обладавшее, по представлениям греков, волшебной силой; к последним векам античности сильфий в Киренаике, где он был эндемичным растением, полностью выродился, и новому времени он не известен, что делает невозможным его точную идентификацию; предполагается лишь, что он принадлежал к семейству молочаевых). Знает он и о финиковой пальме и её плодах (IV, 172; 182; 183), о лотосе (IV, 177), оливах и винограде (IV, 195), о злаковых растениях (пшенице и других), дающих на плодородных почвах Ливии по три урожая в год (IV, 198–199). Сообщения о растениях Африки и свойствах её почв являются поводом для рассказов о занятиях коренного населения различных регионов континента, в частности о ливийцах-землепашцах, занимавших большую часть восточного средиземноморского побережья (одновременно отмечая, что западная часть Ливии обладает худшими условиями для земледелия, но более богата зверями и покрыта лесами (IV, 191).

У Агатархида названы тростник (V, 22), неизвестные растения *bouniasis* и *palinurus* (V, 24; V, 30), оливы (V, 42; 53), благовонные растения, пользовавшиеся самым большим спросом на ранках античного мира (V, 44), растение «волосы Исиды» (V, 53).

Диодор даёт около десятка названий различных растений: эбеновое дерево, сезам, лотос, розы (I, 33; III, 8); тростник (III, 10); растение *paligius*, из которого давят сок для приправы к рыбе (III, 16; 32); водоросли, оливы (III, 19), *bunia* — сорт репы (?) (III, 24), различные цветы, названия которых ему неизвестны (III, 32).

Страбон даёт, как обычно, самый большой перечень различных растений Африки, включающий до сорока названий: оливы (XVI, 769–770; 773; XVII, 809), водоросли, фикус (XVI, 770), *styrax* — растение, дающее камедь (XVI, 773); морская водоросль *фукус*, пальмы, лавры, персея, *lucaminus*, благовония (XVI, 773). Он называет также папирус, ладан, тополь, мирру, *fleus*, *cinnamon* (XVI, 774), египетские и эфиопские пальмы (XVII, 818), просо, ячмень, съедобные травы, лотос, корень тростника *каламус* (XVII, 821); египетский миндаль, персею, акацию (XVII, 822); виноградную

лозу местного происхождения, арум, драконтий, морковь, конский укроп, сколим — съедобный чертополох (волчец), спаржу (XVII, 825–826). Хотя не все называемые Страбоном растения поддаются отождествлению с известными ботаникам видами, его сведения имеют огромное значение и для подтверждения коммерческого интереса античного мира к природным богатствам Африки и выделения тех сельскохозяйственных культур, которые пользовались наибольшим спросом, и для уточнения набора агрикультур, использовавшихся автохтонными жителями в их хозяйственной практике (причём видно, что местные жители умели получать плоды и дикорастущих, и domestифицированных растений).

В целом свидетельства флористического характера, выявляемые по античным письменным источникам, позволяют заключить, что грекам удалось достаточно подробно и глубоко познакомиться и изучить дикую и культивируемую природу Африки и характер природопользования её коренных жителей. Помимо удовлетворения потребности стран Средиземноморья в экспорте полезных и ценных растений, эти свидетельства показывают значительную глубину приобретённых греками естественно-научных познаний об африканском континенте. Для собственно африканской истории флористические данные важны как свидетельство об уровне развития и характере местного хозяйства: уточняется ассортимент агрикультур и их географическое распределение, подтверждается развитость как полеводства, культивирующего зерновые, так и садоводства и огородничества, а также собирания плодов дикорастущих растений, в том числе предназначенных для экспорта (прежде всего пряностей и благовоний).

Отмеченное раньше обыкновение греков давать вновь узнанным ими африканским племенам и народам имена по основному виду их каждодневной пищи, придаёт свидетельствам о флоре и фауне Африки особое значение, поскольку является важным этнографическим (а не только ботаническим и зоологическим) источником. По нему представляется возможным сделать уточнения не только об основном виде питания того или иного этноса, но и о характере их деятельности и даже об уровне их экономико-культурного развития. Так, с этнонимом ситофаги, которым называются множество разных этносов североафриканского побережья, вся совокупность данных о них позволяет связывать хозяйственно-культурный тип оседлых земледельцев; с ихтиофагами — рыболовов и охотников; с лотофагами, «поедателями листьев» и ризофагами — собирателей; с номадами-креофагами — кочевых скотоводов и т.п. Можно с полным основанием сказать, что ботанико-зоологические данные источников содержат прямые свидетельства обо всех основных видах деятельности африканцев — о скотоводстве и животноводстве, земледелии, охоте, рыболовстве и собирательстве.

Ещё одним важным аспектом в свидетельствах о природном мире Эфиопии является неизменное внимание к полезным ископаемым и минеральным богатствам. Слава Африки как богатейшей части мира в значительной мере связана с этим её природным достоянием и устойчивым отождествлением континента со «страной золота», каковой её считали не только греки (в африканском мифе которых Африку неизменно называют страной золота, где оно имеется в таком изобилии, что автохтоны не придают ему никакого значения, используя лишь для оков), но и египтяне, помещавшие сказочную страну Пунт с её неизмеримыми сокровищами недр (золота и драгоценных камней) где-то в юго-восточных областях античной Эфиопии (со страной Пунт идентифицируется и легендарная страна золота и драгоценных камней библейский Офир — Книга Царств I, IX, 28; X, 11).

Геродот свидетельствует о том, что африканцы занимались добычей металлов и торговали ими; он называет медь (IV, 168) и золото — самородное и в виде вымываемого золотого песка (III, 23; IV, 195–196), причём, в русле мифологической традиции утверждается (III, 23), что более всего эфиопы ценят медь и бронзу, а золото никакой цены не имеет, поскольку его много.

Кроме того, Геродот сообщает о разработках соляных копей в пустыне. По соляным холмам ливийские племена отмечали этапы пути во время переходов по пустыне (IV, 183–184); из блоков каменной соли некоторые жители пустыни строят свои дома (IV, 185). Упоминание соли у Геродота вполне закономерно, поскольку соль вплоть до нового времени была одним из важнейших продуктов обмена и торговли жителей пустыни с северными областями и населением субсахарской Африки.

У Агатархида говорится о золоте (V, 10), железе (V, 7), топазах (V, 42) и эфиопском камне (V, 7). Страбон сообщает о золоте (XVII, 827), топазах (XVI, 770), чёрном базальте из Эфиопии (XVII, 789), рудниках и копиях меди, железа и золота (XVII, 821), а также каменной соли (XVII, 822). У Диодора названы драгоценные камни (I, 33), золотые копи (III, 12–13), эфиопский камень (III, 15), соль (III, 29–31), железо (III, 33), медь или бронза (III, 34).

Таким образом, количество полезных ископаемых и сокровищ недр, называемых в источниках, сравнительно невелико, но свидетельства о них повторяются постоянно: это золото, эфиопский камень (обсидиан), медь, драгоценные камни и соль. Этот перечень весьма закономерен, поскольку и сама Африка обладала поразительными запасами этих ископаемых богатств, и для античного мира они имели наибольшее значение. Африка вообще была важнейшим источником поступления золота в страны Средиземноморья, и её репутация «страны золота» была обусловлена отнюдь не только характерным мифическим мотивом, но и реальным фактом наличия в её природных ресурсах огромных запасов этого металла. Греки хорошо знали о множестве богатых золотых копей в Эфиопии и даже о способах его до-

бычи, что доказывают подробные описания работы на золотых рудниках Африки в сочинениях Агатархида и Диодора. В этих свидетельствах сохранилось не только подробное описание технологии золотодобычи в древности, но и условия тяжёлого труда рабов в золотых рудниках (Diodor. III, 12–14; Agatharch. V, 10–11): «Далеко за Египтом, там где сходятся Аравия и Эфиопия, находятся знаменитые золотые копи, на которых с большим трудом и с затратой больших усилий добывают золото. На земле чёрного цвета там много выпуклостей и лежат глыбы мрамора, отмеченные затёсами; их раскалывают, чтобы добыть естественные бриллианты, которых здесь множество <...> На копиях работают рабы и военнопленные, делая всё руками, пробивают ходы в твёрдом камне. Дети, едва достигшие подросткового возраста, пробираются в эти узкие штольни и выносят мелкие осколки камня наружу. Работают также женщины <...> Сама смерть этим несчастным милее жизни...»

Квинтэссенцию образа античной Эфиопии в контексте анализа её природных богатств даёт Геродот, в небольшом пассаже которого упомянуты все главные реалии, определявшие этот образ: «Эфиопия — крайняя страна на юго-западе. В ней есть много золота, водятся громадные слоны, деревья всевозможных пород растут в диком состоянии, между прочим — эбеновое, живут люди огромнейшего роста, красивейшие и долговечнейшие» (Herod. III, 114).

Наиболее интересны и ценны в историко-культурном отношении свидетельства античных авторов о культуре Африки в целом и античной Эфиопии, Чёрной Африки, в частности. Правда, сведения эти отрывочны и скудны, и собрать их вместе в относительно последовательное единство затруднительно, но даже фрагментарная картина способна дать представление о культурной истории огромного региона, издревле включённого в орбиту мировой цивилизации. В этом отношении Чёрная Африка, как уже отмечено, известна несравнимо меньше, чем Египет и народы северной части континента, включённые в большой средиземноморский культурный регион с древнейших времён и хорошо известные грекам. «Эфиопия» же и населявшие её негроидные народы, хотя также изначально занимала своё место на древнейшей карте обитаемого мира, очень долго продолжала оставаться сказочной, легендарной страной — неперменной частью греческой мифической вселенной и мифологической истории. Поэтому так важно попытаться собрать воедино все дошедшие до нас достоверные и реалистические античные свидетельства об эфиопах.

Одно из самых ранних представлений греков об эфиопах выражено в утверждении о том, что эфиопы — самые древние люди на земле. Это положение повторяется многократно в греческих письменных свидетельствах, свидетельствуя о чрезвычайной популярности этой древнейшей гипотезы,

удивительным образом предвосхищающей современные научные данные о том, что африканский континент был родиной антропогенеза.

Когда географ, историк и философ-перипатетик Агатархид во II в. до н.э. излагает эту гипотезу, он повторяет мысль, сформулированную ещё в VII–VI вв. до н.э. древними учёными-физиками. Не акцентируя специально идею о наибольшей древности эфиопов среди остальных людей мира, Геродот фактически присоединяется к этой точке зрения и подтверждает её, когда говорит об эфиопах как автохтонах, произошедших на той же земле, на которой они обитали и обитают до сих пор (Herod. IV, 197). Об автохтонности и первородстве эфиопов с полной убеждённости продолжает утверждать и Диодор: «Некоторые утверждают, что эфиопы — самые древние из всех людей, и вот каковы доказательства, что это так. Вначале все единодушно распознали, что они не пришли откуда-то извне, но что они с самого начала произошли внутри этой самой страны, и было бы несправедливо отказать им в названии автохтонов; а потом равным образом для всех стало ясно, что люди, которые живут на крайнем юге, вероятно, должны были первыми выйти из недр земли, чтобы начать жизнь» (Diodor. III, 2).

Второй устойчивой характеристикой эфиопов, входившей в круг знаний и представлений греков (и в равной степени актуальной как для образа мифических «совершенных» эфиопов, так и не противоречащей реальным познаниям греков относительно конкретных «эфиопских» народов), была их репутация изобретателей религиозных культов. Генетически это положение восходит всё к той же гомеровской традиции, в которой подчёркивается особая приязнь богов к эфиопам, в стране которых они с наибольшим удовольствием совершают свои пиршества и принимают гекатомбы. Геродот также разделяет мнение о том, что священные культы и церемонии возникли в Африке, когда в Ливийском логосе повествует о том, что одеяние и эгида Афины заимствованы от ливийских женщин: «Равным образом я полагаю, что и вопли женщин при жертвоприношениях введены в обычай первоначально здесь, потому что у ливиянок они в большом употреблении и производятся с большим искусством» (Herod. IV, 189).

Эту древнюю теорию целиком разделял и Диодор, подробно повторивший все её положения (Diodor. III, 2): «Говорят, что эфиопы были первыми, кто начал отправлять культы богов, подносить им священные дары, практиковать религиозные церемонии и торжества, наконец, совершать все религиозные акты, при помощи которых люди обычно воздают почести богам. Кроме того, они знамениты во всей земле своей благочестивостью, и приносить священные жертвоприношения для эфиопов — самое приятное в жизни, приятнее бессмертия. Ссылаются на то, что вследствие такого уважения к богам, как говорят уже самые древние из поэтов, и в частности, тот из них, который пользуется наибольшим доверием у греков, — автор Илиады, что сам Зевс и все прочие боги являлись в Эфиопию, чтобы при-

нять участие в ежегодных священнодействиях и в пиршестве, которое воздавали в их честь эфиопы каждый год».

Эфиопам античная традиция вообще приписывала роль изобретателей множества культурных реалий и установлений. Например, рассуждая об эфиопах, Диодор (III, 3) говорит, что изучая скульптурные фигуры и вид египетских письмен становится ясно, что то и другое египтяне заимствовали у эфиопов. В подтверждение этого положения Диодор подробно описывает характер иероглифической письменности и даёт объяснения некоторых из наиболее часто встречающихся и важных иероглифов: «Эфиопские, как и египетские, буквы называются иероглифами. Эти буквы складываются из изображений фигур животных различных видов, частей человеческого тела, инструментов или орудий, используемых в ремёслах и искусстве; и это не просто соединение букв или слогов как результат написанной речи, но из метафорических знаков, соединённых из нарисованных объектов, возникает знак, который сам служит для осуществления сообщения и запоминания». Далее Диодор объясняет значения многих знаков, входящих в иероглифы (ястреб, крокодил, змея, глаз, рука, лицо и т.п.) и заключает: «И таким образом, под каждой такой формой скрыт свой особый смысл; и, упражняя свой ум и память в течение многих лет учения, эфиопы научаются с лёгкостью читать всё, что написано таким образом» (Diodor. III, 4).

Основатели религии, искусства и письменности, эфиопы, как считали греки, ввели также и политические институты в Египте: «Большинство действующих в Египте обычаев (*νόμοι*) и правил эфиопские по происхождению» (Diodor. III, 3).

Достоверную и выразительную (несмотря на элементы идеализации) картину политической, культурной и религиозной жизни эфиопов-макробиев даёт Геродот в большом повествовании в III книге «Истории» (III, 17–25), где характеризует общественную жизнь эфиопов как сочетающую в себе простоту с гордостью и благородством. Они питались мясом и молоком, омывались в живительном источнике с волшебной «молодильной» водой и жили до ста двадцати лет; они приносили жертвы богам на «солнечном столе», с которого кормились и простые макробии; выбирали своих царей по признакам наибольшей силы и красоты, были храбры, но не агрессивны; своих умерших подвергали мумификации, а затем помещали в особые прозрачные футляры, подобные стеклянным, и в течение года держали их в доме, принося жертвы и совершая положенные церемонии. Представляется уместным отметить, что в геродотовом описании способа погребения мёртвых и почитания умерших видно недвусмысленное свидетельство наличия у макробиев культа предков, который, как известно, вообще чрезвычайно типичен для всех автохтонов Африки. Этот пример ясно показывает, что, несмотря на малочисленность и краткость свидетельств о верованиях и религиозных представлениях эфиопов, часто свидетельства античных источ-

ников дают основания для реконструкции некоторых деталей и суммарной картины этой сферы жизни эфиопов в далёкой древности.

Античные авторы имели представление о том, что эфиопы Африки имели чрезвычайно разнообразные верования и религиозные представления, и старались чётко сформулировать это религиозное многообразие. Так, Страбон (Strabo XVII, 821) знает, что многие эфиопы поклоняются одному единственному божеству (т.е. что они монотеисты), но здесь же он уточняет, что другие эфиопы почитают каких-то второстепенных богов, о которых ничего ясного не известно и которые не имеют имён.

Ещё более точную характеристику в вопросе верований эфиопских народов даёт Диодор: «Эфиопы, которые живут поблизости от острова Мероэ, имеют два различных мнения во взглядах на своих богов: они думают, что одни из них, которые подобны солнцу, луне и земле, по природе своей бессмертны и нетленны и неподкупны; но другие из них, напротив, происходят по природе от смертных, но впоследствии, в знак признания их заслуг и добрых дел в пользу людей, им присуждают божественные почести, достояние бессмертных богов. Таким образом, они почитают культ Исиды, Пана, Геркулеса, Вакха, которые, как они полагают, воздают сторицей роду людскому за их служение. Среди эфиопов, между тем, есть и такие, правда, число их невелико, которые полностью отрицают существование богов и которые по этой причине поклоняются солнцу как своему наиглавнейшему божеству и затрудняют это светило оскорблениями, когда оно появляется на востоке, и прячутся при его заходе в соседних болотах» (Diodor. III, 9).

Из всей совокупности ясных указаний и смутных намёков, содержащихся в источниках всех периодов, можно сделать не вызывающий сомнения вывод о том, что практически все эфиопы признавали культ мёртвых предков, о чём свидетельствуют постоянные замечания о том, что эфиопы тщательно ухаживают за местами погребения своих покойников и присягают, протягивая руку к погребению умершего предка (и этот культ, как известно, чрезвычайно типичен для круга традиционных представлений и ценностей автохтонного населения Африки).

Из описаний античных источников религиозная и общественная жизнь эфиопов предстаёт как весьма неоднородная, разнообразная и изменчивая, но в высшей степени жизнеспособная, а картина в целом отмечена чертами явной достоверности. Вообще же античная Эфиопия, воспринимаемая, несмотря на всё обилие реальных подробностей как «земля обетованная», всегда остаётся составной частью в идеальной конструкции греческой ойкумены. Специфика античного восприятия Африки состоит именно в абсолютно гармоническом сосуществовании многообразных и многочисленных сведений о реальных странах и людях Эфиопии (нравах, обычаях, политической организации, занятиях, верованиях и т.п.) и мифического образа идеальной страны юга ойкумены; главная же особенность античных

источников по Африке в том, что их свидетельства (в том числе отдельные упоминания об исторических событиях, преимущественно военно-политического характера) не позволяют восстановить историческую непрерывность жизни континента.

Завершая общий обзор древнегреческих письменных источников по древней Африке, целесообразно ещё раз окончательно сформулировать основные выводы и наблюдения.

В греческой традиции об Африке роль Гомера, первым поднявшего эту тему, не теряла своего значения на протяжении всей жизни античного мира. Несмотря на постоянный рост уровня знаний об Африке, увеличение сведений о странах и народах континента, древняя легендарно-мифологическая струя в восприятии античным миром Эфиопии никогда не исчезала полностью.

По качеству и объёму конкретной информации, определявшейся как уровнем фактического знакомства соответствующего исторического периода с африканскими реалиями, так и жанровой принадлежностью памятника, античные письменные источники весьма неравноценны. Авторы поэтических жанров, ярче других демонстрирующие точность в следовании гомеровской традиции, рисовали абсолютно идеализированную Эфиопию, созданную почти исключительно поэтическим воображением; историки и географы пытались дать более строгую и выверенную в соответствии с точно установленными фактами картину; хорографы и лазутчики давали хотя и неполные, но важные и конкретные описания и своих экспедиций и путешествий, и увиденных стран и народов; мореплаватели, авторы периплов, оставляли информативно насыщенные отчёты и лоции со списками географического и топографического характера.

Однако совокупность сохранённых древними источниками сведений даёт всё же представление об известной этнокультурной непрерывности в истории автохтонных жителей континента (хотя и не является достаточной для реконструкции связной историко-политической картины). Корпус античных источников в целом при всей специфичности их характера, неравноценности сведений, не всегда возможной их верификации, разным объёме дошедших сочинений предоставляет незаменимый материал для воссоздания облика древних африканских культур, установления объёма знаний греков и римлян об Африке, её народах и их культурах, а также о характере отношения античного общества к эфиопам в литературе и жизни (о чём подробно говорится в другом месте работы).

Изучение знаний греков о континенте в целом, его природе, животном и растительном мире, богатствах недр показывает, что их объём и глубина были достаточно велики, а естественно-научные интересы охватывали практически все аспекты жизни людей и природы, неразрывное единство

которых и определяло в решающей мере сам характер африканских древних цивилизаций.

Гомеровская картина мира, просуществовавшая практически до конца античности, оказала сильное влияние и на труды учёных — историков и географов, в результате чего создаваемая ими на основании множества различных сведений и при помощи научных методов (рационализации и критики предшествующих традиций) картина Африки оказывалась, в конце концов, всё же принадлежностью всё той же гомеровской картины мира.

В целом сведения об Африке в содержательном аспекте дают информацию по двум основным направлениям: о природно-климатических условиях, флоре, фауне, полезных ископаемых и сельскохозяйственных продуктах; о народах, их образе жизни, нравах и обычаях, религии, политическом устройстве и культурных институтах.

Совокупность этих данных как бы воссоздаёт некую вторую реальность, воплощаемую текстуально, иногда отличную от первой, истинной, но тем не менее угадываемую за всеми причудливыми и фантастическими деталями.

В частности, в образе природной среды Африки, в изображении её флоры и фауны персонажи сказочного бестиария и растения легендарной ботаники не мешают узнаванию правдивой (и в деталях абсолютно точной) картины африканской природы.

Большинство упоминаемых в источниках названий животных и растений хорошо отождествляются с известными по классификациям видами. То же, что не поддаётся идентификации, относится к сфере мифо-легендарных представлений греков. Поэтому и столь часты случаи, когда в источнике рядом фигурируют вполне реальные слоны, огромные змеи (видимо, боа-питоны), львы и другие обитатели южных областей континента и некая фантастическая змея, пожирающая слона (упоминаемая Диодором).

Фаунистическая и флористическая информация очень важна и как историческое свидетельство, позволяющее сделать ряд выводов, характеризующих и особенности хозяйственной деятельности местного населения, и экономические интересы греков в Африке. Это видно, например, при анализе указаний античных авторов на охоту на слонов и носорогов, а также при оценке соотношения диких и домашних видов животных в фаунистических списках, приводимых в их трудах. Так, если Агатархид из двадцати семи видов животных называет двадцать два диких, а Диодор из тридцати видов — только восемь домашних, Страбон же из сорока известных ему видов упоминает лишь шесть домашних, то понятно, что три четверти интересующих греков животных принадлежали к диким видам, охота на которых была для них особенно нужна и выгодна. Это заключение целиком подтверждается другими известиями, сообщающими о диких зверях и животных как важнейшем предмете африканского экспорта в страны

Средиземноморья, о регулярных охотничьих экспедициях вглубь континента, а также выявляемыми (в результате анализа списков городов и населённых пунктов Эфиопии) перечнями охотничьих стоянок и факторий. Из тридцати пяти названий эфиопских городов восемь — охотничьи стоянки, преимущественно места охоты на слонов, наиболее популярного вида, входившего в перечень интересующих средиземноморские рынки африканских экзотических зверей (у африканцев покупали не только живых зверей для зоопарков или военных нужд (слонов), но и шкуры, страусовые перья и бивни слонов).

Анализ сведений об африканской флоре приводит к выводу о большой заинтересованности греков в продуктах растительного царства эфиопов: Геродот и Диодор приводят по двадцать названий растений, Страбон — более сорока. Показательно, что по данным Страбона (в сравнении с флористическими сведениями предшествующих географов и историков) можно судить о смещении интереса греков его времени к растениям и плодам тропических зон Африки.

Из полезных ископаемых на первом месте в греческих источниках, безусловно, золото (хотя и вся номенклатура полезных ископаемых весьма мала: золото, медь, эфиопский камень, соль, драгоценные камни). Это понятно и в свете заинтересованности греков в этом металле (аспект чисто экономический), и по причине доминирования золота в образе мифической Эфиопии («идеологический» аспект). Египетская страна золота — Пунт, с которой ассоциировалась античная Эфиопия, отождествлена археологами (по её описанию в египетских надписях на монументах Дейр-эль-Бахари) с юго-восточными районами внутренних областей выше Египта, что соответствует и античной локализации. Эти районы, известные древним авторам как наиболее богатые золотыми месторождениями, известны и современным исследователям, которые подтверждают на основании археологических находок, что на территории современной Эфиопии (с частью которой совпадает и античная), а также на всей полосе красноморского побережья в древности было наибольшее число золотых разработок⁹⁶.

Золото более всего занимало греков: всё связанное с ним описывалось особенно подробно и тщательно — назывались копи и рудники, способы добычи, виды золота (самородное и золотой песок), социальный состав рабочих рудников (в частности, рабов и военнопленных называет Геродот — III, 23; IV, 195–196). Другие писатели (Агатархид, Диодор, Страбон) дают развёрнутые описания золотодобычи на приисках и копах.

В сообщениях античных источников, относящихся к области природных богатств, золото и охота выдвигаются на первое место, что точно отражает повышенный интерес античного мира в течение длительного периода (с V в. до н.э. по I в. н.э.) к этим реалиям.

Об эфиопах, главном коренном народе Африки, античные источники (несмотря на обладание множеством конкретных фактов и достаточно подробных сведений) практически до конца античности сохранили древний миф, по которому они имели славу сказочного народа, самых долгоживущих людей.

Начиная с V в. до н.э. и с «Истории» Геродота контакты греков с Африкой становятся постоянными и разнообразными: многочисленные экспедиции и путешествия, периплы берегов континента, свидетельствующие об экономических интересах античного мира в этом регионе, способствовали ускорению знакомства с этой частью мира. Однако и в трудах писателей гораздо более позднего времени (Агатархида, Диодора и Страбона) Африка остаётся в той или иной мере страной мифической и легендарной; правда, за декорацией, изображающей сказочную страну золота и заповедные места экзотической охоты, они позволяют читателю рассмотреть её многочисленные и незнакомые народы со своими обычаями, установлениями и непохожими на греческие культурами — вполне реальные и живые.

Хронологически представления греков об эфиопах как этносе, подлежащем описанию и классификации, подчинялись двум сосуществующим моделям: они знали о мифическом народе долгоживущих эфиопов и о множестве мелких негрских этносов, стоящих на сравнительно низком уровне развития. Со временем эфиопов стали представлять как несколько крупных народов с высоким уровнем развития, обладающих развитой государственностью и всеми необходимыми общественно-политическими институтами.

Зафиксированное в источниках сосуществование в Эфиопии высокоорганизованных крупных народов и мелких, стоящих на архаических ступенях развития этносов (явление совершенно обычное и для Африки в новое время) подтверждает достаточное знакомство греков с африканскими реалиями.

Причудливое сочетание сказочности и вполне конкретных исторических подробностей точно отражает образ Африки, созданный античной культурой и характерный для особенностей мышления и психологии греков, органично сочетавших рационально-прагматическое и поэтическое начала. Это обусловило парадоксальность образа Африки у греков: несмотря на довольно глубокое знакомство (в том числе посредством многочисленных автопсий) со многими сферами жизни африканцев и знание их страны, Африка в целом продолжала оставаться для них загадочной и непознанной terra incognita.

Античная культурная традиция рассматривала эфиопов как авторов практически всех культурных изобретений (от религии до права), которыми впоследствии славились египтяне, от которых, в свою очередь, греки позаимствовали многие важнейшие культурные институты: «Эфиопы, са-

мые древние из всех людей, изобретатели религиозных культов, священных танцев, письменности и прочих культурных достижений; именно они передали египтянам большую часть их обычаев» (Diodor. III, 1–6). Это подытоживающее греческую традицию высказывание генетически прочно связано с гомеровским мифом о долгоживущих эфиопах, благочестивых и безгрешных почитателях богов, научивших этому другие народы.

Столь же живуч и ещё один мотив, присутствовавший в описаниях эфиопов, — тезис об их первородстве, утверждение их автохтонного происхождения, вообще очень важный для греков и отражающий логику их рассуждений в случаях, когда они старались доказать приоритет какого-либо народа перед кем-нибудь другим. Это подтверждает место у Геродота, который доказывает наидревнейшее происхождение фригийцев (Herod. I, 2), или аргументация Исократа (при доказательстве права афинян на гегемонию), когда он говорит о «наибольшей древности афинян среди всех греков», их свободолюбии и автохтонности (Isocr. Panegyг., 28–50). В русле именно этой концепции и мотивы наибольшей древности, автохтонности и свободолюбия, возникающие у античных писателей при описании эфиопов (Herod. IV, 197; Agatharch. V, 18).

Основываясь на объективном анализе всего корпуса античных источников по Африке, нельзя не признать, что они представляют собой ценнейший документ для истории Африки и одновременно античного мира, уникальность которого для воссоздания (хотя бы и с неизбежными лакунами) облика огромной части древней ойкумены, не имевшей собственной письменной традиции, бесспорна. Его комплексное изучение с использованием всех доступных источников других видов открывает перспективу получения ещё более отчётливой и достоверной картины древнейших этапов этнокультурной истории самой отдалённой южной окраины Старого Света.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Beardsley G.H. The Negro in Greek and Roman Civilisation: A Study of the Ethiopian Type (Baltimore and London, 1929); Snowden Fr.M. Blacks in Antiquity: Ethiopians in the Greco-Roman Experience (Cambridge, Massachusetts, 1970).
2. Mveng E. Les sources grecques de l'histoire négro-africaine depuis Homère jusqu'à Strabon (Service de reproduction des Theses Université de Lille III., 1972).
3. Jacoby F. (ed.) Die Fragmente der Griechischen Historiker (Leipzig, Berlin, 1926–1957).
4. Quintus de Smyrne. Posthomerica. Text et trad. fr. de Fr. Vian (Paris, Les Belles Lettres, 1963).
5. Фрагменты Арктина собраны в изданиях: Homeri carmina (Paris, Firmin Didot, 1837); Kinkel G. Epicorum Graecorum Fragmenta (Leipzig, 1877).